

Новая Польша 7-8/2016

0: К Леху Валенсе

Двести лет пролетело, Лех Валенса, Двести лет мы обретали и вновь теряли надежду, Но теперь ты стал вождем польского народа И, как тот, прежний, противостоишь державам. Горьки знания наши, Лех Валенса. В каждом поколении должна быть жертва, Могилы героев безымянны, Торжествуют предатели с палачами, Чьих сынов и дочерей нам придется простить. Горько нам узнавать, какова сила рабства. Оно — в глотке воды, в яблоке и хлебе, В раннем свете на стеклах, в сумерках вечерних, Оно не покидает нас в любви и в работе, И предутренний сон тоже им полон. Оно кроется в буквах письменного слова, И польские книги говорят лишь об этом. Затемняет цвета на полотнах живописцев, Покрывает серым городские постройки. Не знаю, имеет ли право, Лех Валенса, Обращаться к тебе тот, кто избрал чужбину И не желает ежедневно думать о рабстве, Хотя понимает, что думать должен. *март 1982*

1: Я на вас рассчитываю

9-10 февраля председатель «Солидарности» Лех Валенса побывал в Кракове. 9 февраля он встретился с прихожанами храма в Мистшеевице. 10-го его принял архиепископ Краковский кардинал Махарский, после чего Валенса поехал в старейший польский университет на встречу с университетской общественностью, которая была верна демократическим идеалам «Солидарности» в течение всех прошедших лет. В актовом зале Леха Валенсу приветствовал ректор А. Кой.

Лех Валенса начал встречу вступительным словом.

— Я всего лишь рабочий и очень нервничаю. Надеюсь, однако, что вам удастся передать свою мудрость мне и нам, чтобы мы могли сделать для страны как можно больше. Вы в лучшем положении, чем я: вы обо мне почти все знаете из печати и телевидения, которые в последнее время, к моему изумлению, постоянно обо мне говорят. Я о вас знаю не очень много: я недостаточно ходил в школу. Как Лех Валенса, как лауреат Нобелевской премии мира, я ищу мест и обстоятельств, чтобы в Польше наступили мир, спокойствие и согласие. Согласие строит, разногласие разрушает. Многие люди на встречах со мной говорили так: «Пан Лех, в 80-м году вы тоже так говорили, и что сделали с вашей наивностью? Теперь будет то же самое». А я отвечаю: «В 80-м году я никому не верил и теперь никому не верю». (Бурные аплодисменты.) Но вам я тоже скажу: «Не верьте и пройдохам вроде Леха Валенсы. Верьте в себя и верьте в культуру». «Круглый стол» может только создать плюралистические возможности, а ваша мудрость должна помочь употребить их в дело. Вы должны верить в себя, выстроить структуры, которые введут Польшу в Европу и мир. Этого не сделает ни Лех Валенса, ни его группа. Вам, вам самим нужно поверить в себя, чтобы вырваться из системы, в которой вам пришлось жить.

Партийная, экономическая и профсоюзная монополия привела к тому, что Польша сегодня тормозит развитие мира. Польшу сегодня надо преобразовывать, и этого не сделают одни рабочие. Ваша мудрость должна выстроить другую, лучшую Польшу! А если вы этого не сделаете, тогда начнется рукопашная, тогда-то и вы, поскольку не сделали этого, заплатите, как и все общество, цену, которой можно избежать.

Переходный период — это самая тяжкая проблема: теоретически — как с правительственной стороны, так и с общественной — проклюнулись какие-то возможности, но превратить их в действия очень трудно. Опять-таки вы должны, ваш ум и опыт должны особенно потрудиться, чтобы помочь всем тем людям, которые разрабатывают программы, чтобы сделать это спокойно, хорошо, но в то же время и безопасно, и творчески, чтобы Польша стала нашей Польшей.

Перед тем как отвечать на вопросы, Лех Валенса еще сказал:

— Теперь я хотел бы перейти к прямому разговору с вами не потому, что я не в состоянии говорить дальше, но потому, что я хочу, чтобы вы влили в меня вашу мудрость, ставя вопросы и проблемы, а я постараюсь эту мудрость употребить на общее благо. Чтобы мы могли хорошо работать, мы должны понять друг друга; когда будет понимание, тогда и труд наш принесет результаты. Должно быть ясно, чего мы хотим, что делаем, настолько ли мы серьезны, чтобы на нас делали ставку, чтобы нас тоже сменили, когда настанет необходимость,

во имя того, что Польша не принадлежит ни Леху Валенсе, ни генералу, ни Службе безопасности, а принадлежит всем нам, как принадлежала нашим предкам и будет принадлежать нашим детям.

Затем представитель студентов поблагодарил Леха Валенсу за то, что он за «круглым столом» выступил в поддержку Независимого союза студентов. После этого начались вопросы.

— Отдает ли себе отчет Ощепольская исполнительная комиссия в том, что правительство ПНР намерено использовать присутствие «Солидарности» за «круглым столом» для успокоения общественных настроений? — Мы отдаем себе отчет, но, как я сказал в начале, я верю в вас! Верю в вашу мудрость и верю, что вы не поддадитесь! Мы лишь должны создать такую ситуацию, в которой вы сможете организовать, чтобы не случилось так, как кто-то в этом вопросе предвидит... Верю в вас, в структуры, которые защитятся и не позволят манипулировать обществом или снова оставить его ни с чем. — Правительственная сторона много говорит об ответственности общества за судьбы страны. Однако отвечать можно только за свои действия. Можно ли принимать ответственность за монополю правящую партию, на которую мы не имеем влияния? Целью «Солидарности», ради блага демократии, должно стать обретение серьезного участия в законодательной и контрольной власти в Польше. — Вспоминаю свои слова, сказанные в начале заседаний «круглого стола»: «Доля ответственности такова, какова доля участия». Сейчас я везде слышу: «Проведем действительно свободные выборы, и в Польше будет лучше!» А я, практик, отвечаю: «Будет в десять раз хуже». Потому что свыше сорока лет мы жили без плюрализма, программ и организаций. Сегодня на свободных выборах мы злобно предъявим счет и всех их попросту вышвырнем. И придут люди замечательные, но не имеющие представления обо всей стране, а к этому еще прибавится злоба тех, с кем так обошлись за их столь замечательное сорокалетнее правление... Сегодня нам приходится с огорчением сказать, что мы не можем, как раньше, говорить о бойкоте выборов, сегодня мы можем заменить нескольких нехороших людей хорошими, создать программы и только организованным путем, через сколько-то там лет, когда хорошо узнаем друг друга, сможем претендовать на лучшее управление страной, чем сегодня. Эти «осколочные» организации, такие, как КНП (Конфедерация независимой Польши. — Пер.) и другие, я называю организациями «назло». Однако они не могут претендовать на то, что возьмут в свои руки власть в стране. Для этого надо годами воспитывать людей. Впервые я не могу сказать «бойкот выборов», потому что в пользу бойкота у меня нет аргументов. Власть говорит так: «Мы открываем плюралистические возможности. Вы можете организовать почти во все структуры». Дают места в парламенте. Сегодня мы в состоянии выдвинуть в 13 воеводствах людей, в которых можем быть уверены. В других местах тоже есть хорошие люди, но мы их не знаем. Вдобавок как профсоюз мы не имеем права, мы не политическая партия, мы сделаем это плохо... Если они хотят нас обмануть, то будем быстро выжимать плюрализм объединений, плюрализм политический и профсоюзный, экономический и на нем строить, обучать людей и только тогда преобразовывать Польшу в лучшую Польшу. Молодежь часто отвечает мне: «Пан Лех, с нас хватит, пора браться за камни». А я говорю: «При хорошей организованности можно сделать революцию, такую, как сделали 13 декабря. То есть забрать все у владельцев и фабрикантов, все забрать, поставить сержантов, пересажать, то есть ввести систему типа нашей. Обратный ход не может идти революционным путем. Нельзя навязывать, кому быть пекарем, портным, ученым, это будет строить только жизнь, когда мы создадим возможности. Революционный путь лишен логики. Программу несет жизнь, если созданы возможности. Если мы пойдем путем молодежи, претензии которой справедливы, мы все равно придем к тому, что говорит Валенса, только с набитыми шишками от камней...». — Видите ли вы в будущем целесообразность создания политической партии «Солидарность»? — «Солидарность» с самого начала была и остается реформой, которая назвала себя «Солидарностью». Эта реформа в разное время выглядела по-разному. В 80-м были эмоции, забастовки, плакаты, и иначе быть не могло, так как один батальон ЗОМО разогнал бы нас... Можно задавать вопрос, имела ли «Солидарность» шансы перейти от этого отрицания к созданию программы и ее осуществлению. На пути было 13 декабря, и эту реформу остановили. Но не решили никаких проблем. Продолжение должно последовать. 12 декабря, когда меня арестовали, я сказал: «Дорогие господа, на трассе XXI века победили мы — вы победили на трассе XVII века. Встретимся на дороге реформ — на коленях придете». Нехорошо сказал: о коленях было слегка садистски, позднее я от этого отказался, но мы встречаемся на дороге реформ. То, что мы предлагаем, это не выдумка Леха Валенсы, Горбачева, «Солидарности» — это требование времени, эпохи, в которую мы живем. Чем выше развитие цивилизации, тем больше свободы.

Затем слово взял главный редактор «Тыждника повшехного» Ежи Турович. Он, в частности, сказал:

— Думаю, что присутствие Леха Валенсы среди студентов и преподавателей Ягеллонского университета, который — чем я горд — и моя Альма-матер — символ великого дела, того, что свершилось на Гданьской судоверфи в августе 80-го года, союза между миром трудящихся, рабочими и, с другой стороны, интеллигенцией и молодежью. Этот союз был принципиальным элементом того большого общественного движения, которое, несмотря на трудности, под руководством Леха Валенсы привело к сегодняшней ситуации, когда легализация

«Солидарности» и, пожалуй, также Независимого союза студентов кажется делом ближайшего момента. Думаю, что это поможет нам превратить «реальный социализм» в «социализм с человеческим лицом».

Валенса. Мой социализм выглядит так. Представим себе три пекарни: государственную, кооперативную и частную, — вот та, что печет лучший хлеб и самые дешевые булочки, и будет социалистической. Это мой практический социализм. Я практик. Вы, теоретики, представляете дело теоретически, и это логично. Как практик, я не могу говорить о коммунизме ни хорошо, ни плохо, потому что я его не знаю, я знаю сталинизм, и о нем могу говорить много, потому что сам его испытал на собственной шкуре.

Вопрос. Оказала ли «Солидарность» влияние на перемены, происходящие в СССР? Считаете ли вы нужной, например, вашу — как представителя польского общества — встречу с представителями властей СССР и как в существующих обстоятельствах видите возможность такой встречи?

— Будучи деятелем, Лех Валенса должен чувствовать себя как тренер. Тяжесть должна соответствовать тренированности. Если тренер при первой встрече заставит молодежь поднимать вес в 500 кг, то одни уронят, другие убегут, а останется мало кто. Это я, а не, простите, советники Леха Валенсы придумал этот пример: «дробь Валенсы». Во всех странах нашей системы один и тот же «знаменатель», то есть проблемы, связанные с номенклатурой и вообще с беспорядком нашего социалистического устройства. И этот наш «знаменатель» мы все должны сменить. Смена совершается с помощью «числителей», а они в каждой стране разные. У Советского Союза свои «числители», там много проблем великой державы. А у Польши, в «числителе» — независимая Церковь, крестьянство, в значительной степени свободное, группа вокруг Валенсы и много чего другого. У ГДР — это ФРГ, которая всегда ей поможет. Можно размышлять, у кого самый интересный «числитель» для реформ. Если бы не психологические комплексы военного типа и другие, лучший «числитель» был бы у ГДР. Если мы хорошо присмотримся, то увидим, что самый интересный «числитель» у Польши, поскольку у нее есть некоторая независимость, много западной культуры, Церковь, крестьянство, Папа и т.д. Надо бы постараться, чтобы наши реформы, наша смена «знаменателя» могла быть образцовой сменой. Это не мессианизм и не польский романтизм — это реальность. Когда я был в Париже, у меня был интересный разговор с пани Боннэр и Сахаровым. Они подтвердили то, что я предполагал: что «множитель» Советского Союза очень неинтересный, и что люди там не хотят ответственности и не хотят работать. 80% так думают, и не сумеют пользоваться свободой. И не умеют, и не хотят. По моей оценке, у нас около 15% не умеют и не хотят пользоваться свободой. Такие искривления создала система. У меня есть товарищи по работе на верфи, которые тоже не хотят никаких плюрализмов, лишь бы дорваться до пенсии. У нас тоже есть такие проблемы. И поэтому мы должны взяться за работу, создать структуры, которые восстановят нормальное человеческое поведение. Иначе мы станем только «рудником умов», как Ирландия, отсюда будут только уезжать и бежать, этот край будет и дальше рушиться.

Затем слово взял Ян Юзеф Щепанский. Он, в частности, сказал:

— Я испытываю тревогу, когда речь идет об иерархии проблем, предусмотренных для обсуждения за «круглым столом». Два вопроса капитального значения должны рассматриваться в первую очередь: независимость судов и экология. Для «Солидарности» как профсоюза последняя проблема может оказаться проблематичной, ибо надо закрывать отравляющие предприятия и тем самым входить в конфликт с интересами трудовых коллективов... Шведский туристический путеводитель рекомендует туристу находиться в Кракове не дольше 48 часов! Это, конечно, преувеличение, но небольшое. Думаю, что для наших детей это станет действительно вопросом жизни и смерти.

Валенса. Игра идет командами, и я — капитан команды. А играют все. Решения вопросов должны находить специалисты. Если у вас или у кого-то в этом зале есть что сказать — пожалуйста. Прошу вас, интересы наши общие, Польша наша общая. Где бы вы ни увидели недостатки, ошибки Валенсы и всех нас, сообщайте как можно скорее через пана Туровича, с которым я в контакте, через Мечислава Гиля, передавайте замечания. Ибо, как я сказал, интересы наши общие, и мы должны этот командный матч хорошо сыграть. Когда-то я сказал: нам угрожает не Варшавский договор и не НАТО. Я боюсь, как бы мы не встретились в один прекрасный день на облачке и не спрашивали, кто из какого блока, в результате таких опасностей, как Чернобыль, кислотные дожди и т. п. На эти темы мы будем говорить. Также и на правовые темы, которые мы считаем важнейшей проблемой. Сделаем мы это в первую или во вторую неделю, не имеет особого значения. Столько лет ждали, наверное, еще будет несколько дурных приговоров, лишь бы не на слишком долгие сроки. Надеюсь (Щепанскому), что вы присоединитесь к нам и поможете решить эти проблемы.

Следующие вопросы относились к Независимому союзу студентов.

Валенса: Я в своей речи подчеркнул проблему НСС и считаю ее важной. Однако мне нелегко договориться с молодежью. Одни швыряют камнями, другие меня обзывают, третьи хотят организовать, четвертые не хотят и т.д. Молодежь попросту очень сильно расшатана. У рабочей молодежи свои проблемы, у студенческой — свои, еще старшеклассники и т.д. Я не могу хорошо это организовать. Не потому, что не хочу, — очень хочу. Но молодежь очень плюралистична. Может, у меня мало контактов, может, времени не было... Однако все мы заинтересованы в том, чтобы у наших детей была возможность организовать, и о молодежи мы будем говорить за «круглым столом». Не подозревайте нас в плохом отношении.

— У нас будет новая «Солидарность». Но ведь старый устав соответствовал конституции. Как вы на это смотрите?

— Я не имею права принимать решения за съезды, которые примут устав. Я, Лех Валенса, и те, что со мной, должны открыть возможность, чтобы «Солидарность» могла провести свои съезды, но не в костелах и криптах, а на своих рабочих местах, легально и спокойно, и чтобы она могла определить свое отношение к уставу и программе. Какая будет «Солидарность»? Не знаю. У меня есть своя точка зрения, но это моя точка зрения! Я исключительно хочу довести дело до съезда, месяцем раньше всюду надо развесить объявления, чтобы никто никого не обманул, не устроил сектантских выборов, чтобы пришли люди борьбы, но не только они. Ибо это будет время, когда откроется больше возможностей труда, чем борьбы. Надо будет тормозить инерцию борьбы и работать не покладая рук. Люди борьбы особенно трудиться не сумеют, поэтому выбирайте хорошо, чтобы мы не только сражались с ветряными мельницами, а прежде всего строили эти мельницы. Вы должны выбрать честно и получше, на другое время. Сейчас мы выбираем только для того, чтобы привести к нормальности, которая определит другие дела. Зато я в этой нормальности принимать участия не буду. Я отдал 18 лет каторжной работе! Я, скорее, человек борьбы. Это не смирение, не страх, не отсутствие ответственности. Нет, просто я считаю, что есть отличные, замечательные люди, а у меня слишком много накопилось, слишком много я видел, слишком много слышал, это меня отягощает. Я должен открыть дорогу, потому что выхода нет. А вы положите начало, да чтоб это вышло хорошо, потому что мне хотелось бы всему этому радоваться. А если окажется плохо, то придется мне ко всему этому вернуться, конечно, потому что я не позволю. (Аплодисменты).

— По-прежнему продолжается скрытый террор. У нас в университете за последнее время зверски избили и искалечили двух девушек. Можно ли рассчитывать на то, что «круглый стол» не станет эйфорией, за которой исчезнут конкретные сегодняшние человеческие трагедии?

— Я узнал об этих случаях в храме и обратился: «Господа, укоротите лапки! Мы дознаемся, кто это делает, кто теперь нам мешает в очень трудном положении». Мы обращаемся к «Безпеке» (госбезопасности. — Пер.) и другим: уберите лапки, а то будем наручники надевать! Этого делать нельзя! (Продолжительные аплодисменты.) Мы не хотим сводить счеты, не хотим судить, но одновременно обращаемся: Польша нуждается в спокойствии, но Польша нуждается и в законе, и закону вы должны подчиниться.

— Можно ли указать хотя бы представителю правительства по делам печати (и не только ему), что его наглость и агрессивный тон побуждают «неизвестных преступников» к такого рода действиям?

— Я вчера сказал об этом, и поэтому по телевидению почти не было Валенсы. Я сказал, что представитель по делам печати становится все более непонятным. Пан Урбан, что вы делаете? Вы провоцируете! И из-за этого я не попал в телепередачи... Но это просто вспышки, все мы изнервничались, не будем ругаться... (Эта фраза, по-видимому, ответ Урбана. — Пер.) Если мы не проведем мирную, эволюционную реформу, то нам грозит революция. Не будем предаваться иллюзиям: молодежь еще чуть-чуть — и выйдет на улицы, будет бить, будет жечь! И поэтому надо сказать, пан Урбан: вас тоже достанут, других тоже достанут, а как Польша мы заплатим дорогой ценой! (Аплодисменты.) Я ко всем и всюду обращаюсь: к рабочим, к учителям, к органам здравоохранения, ко всем людям. В Польше очень тяжело, всякий вправе забастовать... Но сейчас дадим шанс «круглому столу». Я не знаю, обман ли это. Но сейчас дадим ему шанс. Если ничего не выйдет, будем бороться вместе, Валенса первым пойдет, но сейчас мы должны сосредоточиться. Снова мне теперь подожгли, известно, конечно, кто поджег, очередную забастовку мне устроили, одну мы погасили, разожгли другую. Правы ли они? Правы! Условия жизни катастрофические! Это правда! Но нужно ли это сейчас, когда мы создаем, когда хотим

навести порядок? Я призываю всех обладающих чувством ответственности людей в этой стране дать шесть недель шансов «круглому столу»! Потом будем бороться, если потребуется. Но организованно. А сегодня не надо бороться, а то раздуем — кто-нибудь скажет, что Валенса, и вот уж мы не на коне! Кто-то хочет нам сорвать реформу! Военное положение ввести из-за этой безалаберности! Где эти герои были в течение семи лет? Где Медович был, ныне большой герой? (Аплодисменты.) Я не хочу вас обижать, пан Медович. Не хочу обижать членов новых профсоюзов. Хочу, чтобы было место для всех. Это нервы, человек может разнервничаться, Валенса тоже. Я хочу, чтобы был плюрализм, не хочу, чтобы тот профсоюз не существовал, хочу, чтобы было по крайней мере три разных, сильных профсоюза, чтобы мы конкурировали, но не противостояли друг другу! И вот тут, пан Медович, обуздай своих людей, я постараюсь — своих, попробуем реформировать и договариваться, попробуем созидать Польшу как можно скорее, как можно лучше. И не будем провоцировать, а то все за это заплатим, и вы, пан Медович, и я тоже! — Вы сели за «круглый стол» с теми, кто вам — и не только вам — нанес обиды (об одном, Урбане, тут говорилось). Готовы ли вы сесть за «круглый стол» с той оппозицией, которая в настоящий момент этого не одобряет? — Готов. Польша принадлежит всем, в том числе и тем, кто не согласен. Мало того, я не могу сказать, что они не правы. Если «круглый стол» будет огромным мошенничеством, то окажется, что я был не прав. Я — лауреат Нобелевской премии мира, я ищу всех вас, до самых малых, чтобы было согласие! Я этого не стыжусь и не со страху это делаю! Но в то же время я осторожно отношусь к тем, кто не верит, у кого такой опыт, как у них. Они имеют право, да только я могу быть каскадером сам в одиночку (и не раз бывал), но не могу из вас делать каскадеров. Я должен спросить, проконсультироваться внутри и снаружи, увидеть, какие грозят опасности, использовать все шансы. Но я должен искать решение проблем. У других нет этой нагрузки, но это не значит, что они не правы... Лишь бы боролись не между собой, пусть не борются с единством, пусть не мешают.

Я занимаюсь «круглым столом», а смотрите, что мне устроила молодежь в воскресенье (в Гданьске. — Пер.)! Кто-то здешний мне сказал, что была демонстрация против Валенсы. А вот, извините, она была не против Валенсы! А молодежь, поскольку я им сделал внушение за то, что не платят штрафы (свящ. Янковский отказался продолжать выплачивать штрафы, назначенные административными судами молодым демонстрантам. — Г.П.), закричала: «Анджея Гвязду — за «круглый стол»!» Да ведь Анджей Гвязда — противник стола, так как мне его посадить за стол, когда он это считает ошибкой?! И поэтому, дорогая молодежь, сначала надо послушать программы. Я знаю, что никто не любит лидеров, никто не любит первых. Валенса — первый, но нечего сразу на меня.

Следующий вопрос касался того, как гарантировать за «круглым столом» интересы тех, кто отказывается от службы в армии. Спрашивали также, займется ли «круглый стол» вопросом о помехах отправлению религиозного культа в армии.

— Я борюсь за то, чтобы все течения нашли себе место. За «круглым столом» уже был епископ, есть два священника. Но одновременно повторяю. Моя вера — мое личное дело, ее нельзя никому навязывать, у каждого своя свободная воля. В профсоюзе, который я возглавляю (это и не левацкий профсоюз, и не правый), я молебнов не буду служить, а в церковь хожу. Но это мое дело. Я буду строить храмы, но в частном порядке. Каждого, у кого другая вера, я уважаю, и с этим у меня не будет никаких проблем, если речь идет о Валенсе. Как вы знаете, очень близко от меня — люди другой веры, мне это не мешает, пусть себе верят: ни они мне не мешают, ни я им. Чего я хочу — так это использовать всякую мудрость для Польши. Если кто-нибудь умен, то почему я его как инаковерующего не использую для строительства Польши? Я это делаю и буду делать! А те дела, думаю, Церковь устроит, у нее долгие традиции! Я рад, что вы этот вопрос затронули, но надо помнить, что я не хочу быть более католическим, чем сам Папа. Я — Лех Валенса, электрик, и я вынужден быть профсоюзным деятелем, а то оставляю людям умным, которые за это отвечают и знают, что делать. Следующие вопросы касаются Конфедерации независимой Польши. — Я знаком с паном Лехом (Лешеком Мочульским. — Пер.), отношусь к нему с уважением... Только повторяю: КНП — организация больше «назло» этой власти. Их программа не имела времени стать серьезной программой. Меня пригласили на 3-й съезд КНП, который проходил за день до «круглого стола». Милые мои, я все понимаю, но, тем не менее, когда Лех Валенса, когда большинство общества приглашены за «круглый стол», то надо дать ему этот шанс. Надо было устроить это раньше или позже. А сейчас это очень опасно, и тут я, пан Лех Мочульский, обращаю ваше внимание публично, что так поступать нельзя... Я хочу, чтобы вы действовали, свобода должна вам это гарантировать. Но дадим шанс другим течениям, не будем устраивать коллизий, вступать в конфронтацию, а то, если бы власть посадила всех (участников съезда КНП. — Пер.), «круглый стол» рухнул бы... Вы создали очень нехорошую ситуацию, очень

невыгодную, и так коллеги не поступают. Я благодарю за приглашение, на следующий съезд постараюсь приехать, лишь бы он не конкурировал с другими делами, за которые я отвечаю. (Аплодисменты.).

— *Реально ли ожидание, что народ выдержит длительный переходный период, притом в нынешнем экономическом положении? Не было бы потрясение единственным способом вызвать перелом в настроениях усталого и ни во что уже не верящего общества?*

— Простите, я как понимаю «потрясение»? Это сколько людей надо застрелить — тысячу, пять тысяч? Вот что такое потрясение. Всякое иное потрясение мы уже пережили, даже военное положение. Об этом и подумать нельзя! Тогда о каком потрясении идет речь? Забастовки? Тоже умеем уже устраивать и большие, и малые. Так что это потрясение было бы крайне опасным, и я хотел бы его избежать. Умных и сознательных людей в Польше много, только надо, чтобы они поверили в себя, чтобы больше почувствовали свою миссию и ответственность за тех, кто думает нехорошее, — мы все вместе в этом повинны. Не допустим этого, ибо если наступит потрясение, то посмотрим, кого из нас не будет на следующей встрече. Такие дела не выбирают... скорее, случайных людей берут. Поэтому мы не нуждаемся в таких потрясениях. Нам нужно быть более солидарными: там, где это возможно, быть вместе, но там, где хотим отдельно, иметь такую возможность, и чтоб друг другу не мешать... И поэтому повторяю: я очень верю, что нам удастся, потому что иного пути нет, потому что даже после этого потрясения, после этих синяков и шишек мы все равно окажемся в том же месте и надо будет решать те же проблемы.

Потом был передан привет от гуралей и приглашение в Татры, «чтобы заспавшихся рыцарей под Гевонтом разбудить».

— Два года подряд я ездил в Закопане... горы меня приняли... И в этом году хотел поехать, но не было снега, да и условия, «круглый стол» не дали мне покататься. Думаю, в будущем году уже будут профсоюзы, будете уже нормально организованы, а я тогда возьму отпуск и буду кататься с гуралами... Последний вопрос задал студент от имени НСС. Он спрашивал о смысле нового закона о высшей школе и предлагал ликвидировать деление культуры на официально разрешенную, подпольную и эмигрантскую, чего, по его мнению, можно достичь отменой предварительной цензуры и радикальным пересмотром закона о печати. — Вы в своей группе должны эти темы затронуть! Я верю, что там есть умные люди, которые разбираются в проблемах цензуры... Я на этот вопрос тоже обращаю внимание, но думаю, что пан Турович, который с цензурой много имел дела, сделает это лучше, чем я.

В заключение встречи Валенса, в частности, сказал: — Договоримся, что я всегда в вашем распоряжении. В то же время очень прошу: либо отвергните то, что я говорю, либо поддерживайте путь, смысл которого в том, что Польша нуждается в согласии. Согласие строит, разногласие разрушает. Мы все ответственны за Польшу. Не время устраивать трибуналы и не время устраивать битвы. Время нам как можно скорее договориться и взяться — каждому в пределах своих возможностей — за Польшу, чтобы оставить ее нашим детям лучшей. Нет другого пути. Это необходимость, это патриотический долг. Я в это верю, я верю, что разум победит, что нам хватит сил на строительство Польши — впервые — по-другому. Мы должны найти польскую модель согласия, приспособления, перестройки. Чтобы как можно больше строить, чтобы удержать молодежь, у которой жуткие условия жизни и создания семьи... Они бегут из страны, к родине относятся как к мачехе, крестьяне бросают землю. На вас лежит ответственность пробуждать патриотизм и обучать ему. Здесь кровь наших предков, здесь место наших детей. Мир убегает, а мы вовсе не глупее и не хуже, только у нас была дрянная система, система парабощения. Но и сами мы поддались безвольно всему этому.

Конечно, была страшная цена, многие ее заплатили, но тем больше это обязывает нас все силы изыскать для Польши, ибо она в этом нуждается. Если я кого-нибудь обидел, я этого не хотел, прошу прощения. Прошу прощения у тех, кому втык сделал, прошу прощения у тех, кого невольно уколол. Я все хочу отдать Польше. И думаю, что не будем обижаться, подумаем, как из этого лучше выйти. Чтобы Польша доехала до Европы и не была больным ребенком Европы. Всего доброго!».

К печати подготовил Гжегож Пшибинда. С польского перевела Наталья Горбаневская, «Русская мысль», 17 марта 1989, с. 4; 24 марта 1989, с. 5.

Готовя к публикации в «Новой Польше» запись выступления руководителя «Солидарности» Леха Валенсы, сделанную в феврале 1989 года в Ягеллонском университете, я нашел отрывок из воспоминаний 2010 года одного из организаторов этой встречи, профессора Анджея Фулинского. Вот что он рассказывает: «Нашим главным успехом было тогда посещение Лехом Валенсой Ягеллонского университета 9 февраля 1989 года. (...) Валенсу официально пригласил ректор Александр Кой. Это было первое после 1981 года выступление Валенсы в общественном месте по официальному приглашению, а не, к примеру, где-то в церкви. (...) Валенса был сильно взволнован, когда подписывал памятную книгу Ягеллонского университета, — в ней же есть подписи королей Польши. Толпа была такая, что я еле вошел в «Коллегиум новум». Все со значками «Солидарности» или Независимого союза студентов. (...) Валенса на митинге оказался настоящим «политическим животным». Настроение было необыкновенное. Мы решили, что вопросы будут задаваться в письменном виде, чтобы люди не перекрикивали друг друга (...). Потом кто-то из университетской, радикально антикоммунистической Конфедерации независимой Польши устроил мне дикий скандал, что я не дал им высказаться. А мы знали, что днем раньше была встреча с Валенсой в храме в Новой Гуте — Мистшеёвице, на которой Конфедерация независимой Польши устроила ему «промыывание мозгов». (...) Одна из записок, приглашающая Валенсу «в Татры, чтобы он разбудил рыцарей из-под Гевонта», была написана на гуральском диалекте». («Времена «Солидарности» в Ягеллонском университете 1980-1989 гг. в воспоминаниях». Беседовал Анджей Кобос, Краков 2010). На меня эта встреча тоже, видимо, произвела большое впечатление, раз я не только записал ее на магнитофон, но и послал машинопись в Париж, к русским друзьям из «Русской мысли». А там уже Наташа Горбаневская все сразу перевела, и, по распоряжению Ирины Иловой-Альберти, главного редактора еженедельника, запись выступления появилась в «Русской мысли». Я считаю, что хорошо бы его сейчас вспомнить, впрочем, не только потому, что оно является прекрасным доказательством абсолютной независимости Леха Валенсы, которым в конце 80-х совершенно точно не манипулировали никакие тайные службы.

Гжегож Пшибинда

2: Хроника (некоторых) текущих событий

- «Сегодня мы ведем борьбу за наш суверенитет. Европейские круги не уважают его, а значит, не уважают Польшу и поляков. (...) За всем этим стоят определенные интересы. Польша, полностью подчиняющаяся Германии, лишенная индивидуальности и правосубъектности, позволяющая эксплуатировать себя в качестве дешевой рабочей силы, очень выгодна Германии и другим странам ЕС. И на того, кто решится изменить этот порядок вещей, всегда будут нападать. (...) Нужно защищать польский суверенитет и право поляков выбрать себе то правительство, которое решилось многое изменить в Польше. Именно это право и пытаются сейчас оспорить. (...) Когда мы в Польше наконец-то возьмемся за решение этих вопросов, а я надеюсь, что у прокуратуры дойдут до них руки, наверняка раздадутся вопли о преследовании оппозиции и нарушении демократии», — Ярослав Качинский. («До жечи», 30 мая — 5 июня)
- «Европейские элиты никак не могут смириться с демократическим выбором поляков. Этот выбор им весьма не по нраву, поскольку совершенно не соответствует их интересам. И это очевидно. Мы, в свою очередь, уполномочены нашими избирателями защищать интересы Польши. (...) И с этого пути мы не свернем ни на шаг», — Ярослав Качинский. («Газета польска», 25 мая)
- «Замечания Европейской комиссии связаны с тем, что президент не принял присягу судей Конституционного суда, избранных Сеймом предыдущего созыва, а премьер-министр не опубликовала решение КС относительно изменений в законе о КС, инициированных ПиС, а также с угрозой правового дуализма, к которому ведет отказ правительства опубликовать решения КС. Если ситуация по какой-то из этих проблем изменится до понедельника, Европейская комиссия может приостановить процедуру введения мониторинга законности в Польше. В случае же, если все останется по-прежнему, либо позиция правительства покажется Европейской комиссии малоубедительной, последняя выдаст официальное заключение о своих подозрениях относительно нарушений в Польше режима законности». (Гжегож Осецкий, Якуб Капишевский, «Дзенник газета правна», 19 мая)

- «Официальную позицию правительства (...) представила вчера в Сейме премьер-министр Беата Шидло. “Брюссель не будет диктовать нам содержание польских законов. Мы будем бороться за наш суверенитет”, — заявила Шидло». (Клаудия Дадур, «Газета польска цодзенне», 21-22 мая)
- «Во вторник также состоялась беседа премьер-министра с заместителем председателя Европейской комиссии Франсом Тиммермансом. (...) Результаты встречи (...) прокомментировал министр иностранных дел Витольд Ващиковский: “Трудно понять, когда именно Тиммерманс говорит правду”. (...) Министр также заметил, что “нам, к сожалению, пришлось столкнуться с враждебным отношением со стороны европейских чиновников, можно даже сказать, с мошенничеством. (...) Наши национальные интересы не должны попирацца чиновниками ЕС”». (Агата Кондзинская, «Газета wyborcza», 21-22 мая)
- Из выступления премьер-министра Беаты Шидло в Сейме 20 мая. «Сегодня мы вновь наблюдаем, как политики “Гражданской платформы” (ГП), ПСЛ и “Современной” потирают от радости руки, видя, что некоторые европейские институты действуют против Польши. (...) Проблемы с репутацией и авторитетом нынче не у Польши, а у Европейской комиссии. (...) Мне кажется, сегодня в Европейской комиссии всё больше тех, кто жаждет раскола ЕС, а не его нормального развития. Очень печально, что Европейская комиссия не в состоянии сопротивляться политическому давлению, которое вы на нее оказываете. (...) Мы должны сделать все, чтобы Европа никогда не забывала, как много сделала Польша для ее свободы, для демократии на нашем континенте. (...) Я говорю об этом, чтобы все мы помнили: Польше нужна Европа, но в первую очередь Европе нужна Польша». («Наш дзенник», 23 мая)
- После выступления премьер-министра Беаты Шидло «лидер ГП Гжегож Схетына заявил: “Польше стыдно за ваши слова”. (...) “Это печальный день для польской демократии, — парировала премьер-министр Шидло. — Так как еще никогда в этих стенах оппозиция не демонстрировала такого презрения к польскому правительству”. (...) Лидер “Современной” Рышард Петру обратил внимание парламентариев на то, что в Польше “сложилась ситуация, когда президент Анджей Дуда нарушает закон, отказываясь привести к присяге судей Конституционного суда, а премьер-министр нарушает закон, не публикуя решения КС. (...) Скандалы в Сейме не остались незамеченными в Европе”. “(...) Согласно договору о ЕС, Европейская комиссия обязана контролировать соблюдение законности в странах Евросоюза”, — заявил европейский комиссар по цифровой экономике и обществу Гюнтер Эттингер». (Агата Кондзинская, «Газета wyborcza», 21-22 мая)
- «В пятницу Сейм одобрил также проект резолюции о защите суверенитета Республики Польша и прав ее граждан». (Клаудия Дадур, «Газета польска цодзенне», 21-22 мая)
- Фрагменты вышеупомянутой резолюции: «(...) В последнее время совершаются действия, нарушающие суверенитет нашей страны, а также подрывающие основы демократии, правопорядок и общественное спокойствие в Польше. Предлогом для таких действий служит (...) политическая дискуссия вокруг Конституционного суда. (...) Структурами ЕС также предпринимаются попытки навязать Польше свои решения по вопросу иммигрантов. (...) Указанные решения (...) не основаны на европейском праве, нарушают суверенитет нашей страны, европейские ценности и принцип субсидиарности в ЕС. Они также угрожают общественному устройству Польши, безопасности ее граждан, нашему культурному наследию и национальной идентичности. Сейм Республики Польша призывает правительство решительно пресечь любые действия, направленные против суверенитета нашей страны (...). За резолюцию, подготовленную Пис, проголосовало 257 депутатов фракций Пис и Кукиз’15. Депутаты от ГП, «Современной», и крестьянской партии ПСЛ не участвовали в голосовании, оставаясь при этом в зале заседаний. («Газета wyborcza», 21-22 мая)
- «В Польше законодательная и исполнительная ветви власти давно поменялись ролями — Монтескье такое бы и не приснилось! Уже во время премьерства Дональда Туска почти всё, что принимал Сейм, определялось в кабинете главы правительства. Парламент стал исполнителем поручений, машиной для голосования. Это результат консолидации партий вокруг своих лидеров и постепенного выдавливания из политики людей, способных на какую-либо самостоятельность. (...) Немилость партийного лидера на практике означает политическую смерть, в чем успели убедиться многие деятели последних лет. Это дает руководителям партий почти абсолютный контроль над своими людьми. Как сформулировал Роберт Красовский: раньше у партий были свои лидеры, теперь у каждого лидера есть своя партия. Зачастую эти люди единолично решают, что должен одобрить Сейм! Именно поэтому нарушение независимости судей и Конституционного суда создает дополнительную опасность. Независимый суд — это последняя гарантия того, что политики, чья воля в течение нескольких часов способна обрести силу закона, могут столкнуться хоть с какими-то ограничениями», — Томаш Петшиковский, бывший воевода Силезии. («Газета wyborcza», 30 апр. — 1 мая)
- «Франс Тиммерманс прилетел в Варшаву на несколько часов. После часовой беседы с премьер-министром Беатой Шидло он также встретился с председателем Конституционного суда Анджеем Жеплинским и

Уполномоченным по правам граждан Адамом Боднаром». (Бартош Т. Видлинский, Томаш Белецкий, Агата Кондзинская, Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 25-26 мая)

• «Самыми разными способами ПиС пытается ограничить деятельность Адама Боднара. Сначала бюджет Уполномоченного по правам граждан на 2016 г. был урезан на 10 млн злотых. (...) Теперь власть пытается связать его по рукам и ногам, угрожая лишением иммунитета. Если и это не принесет ожидаемого эффекта, запланирован очередной ход — закон о погашении мандата, аналогичный тем решениям, которые пытались применить в отношении судей Конституционного суда. (...) “Меня совершенно не интересует, что за шальные мысли бродят в головах наших власть предержащих. Я стараюсь оставаться как можно более законопослушным гражданином и делать свое дело”, — говорит Боднар». (Александра Павлицкая, «Ньюсуик Польска», 23-29 мая)

• «Европейская комиссия дала негативную оценку состоянию законности и демократии в Польше. Содержание резолюции комиссии носит конфиденциальный характер. (...) Франс Тиммерманс пришел к выводу, что правительство не представило реальных предложений по урегулированию кризиса вокруг Конституционного суда. (...) Комиссия констатировала, что без режима законности невозможны ни демократия, ни соблюдение фундаментальных прав человека. (...) “Менее всего нам хотелось бы, чтобы в Польше действовали две параллельные правовые системы. Это создало бы ситуацию нестабильности для граждан Польши и ЕС, а также для польских и — шире — европейских предпринимателей. Так что мы заинтересованы в максимальной ясности по данному вопросу”, — заявил Тиммерманс. (...) После обеда на эту тему высказался председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер. “Все страны, входящие в ЕС, согласились с единообразными принципами, которые должны уважаться всеми государствами Евросоюза, в том числе теми, где действуют мажоритарные правительства. Демократия — это не только парламентское большинство, но еще и гражданское общество”, — сказал Юнкер». (из Брюсселя Анна Слосевская, «Жечпосполита», 2 июня)

• «Негативное заключение относительно состояния законности и демократии в Польше стало итогом первого этапа процедуры мониторинга. (...) Теперь у Польши есть две недели на официальный ответ. (...) Если его содержание окажется неудовлетворительным, в Варшаву будут направлены рекомендации о том, что и в какие сроки необходимо сделать. После этого начинается третий этап — оценка выполнения рекомендаций. Если Европейская комиссия посчитает, что они не были реализованы, (...) у нее есть право обратиться в Совет Европы с заявлением о запуске “одного из механизмов, предусмотренных ст. 7 Договора о функционировании Европейского союза”. (...) Статья 7 предусматривает три варианта решения. Первый — констатирует серьезный риск нарушения законности. Для принятия такого решения необходимо большинство в 4/5 от общего количества стран-членов ЕС, то есть голоса 22-х государств. Это процентное соотношение рассчитывается относительно 27-и, а не 28-и стран-членов, поскольку голос Польши в данном случае не учитывается. Второй вариант решения диагностирует серьезные нарушения законности; такое решение принимается единогласно. Третья же разновидность решения устанавливает санкции, и для его принятия необходимо квалифицированное большинство голосов, в данном случае голоса 20-ти стран ЕС». (из Брюсселя Анна Слосевская, «Жечпосполита», 3 июня)

• «В апреле 2016 г. Европейский парламент занимался проблемами превышения власти в Гондурасе, Пакистане, Нигерии и Польше», — Януш Левандовский, бывший депутат и министр, с 2004 г. — депутат Европарламента, в 2010-14 гг. — комиссар ЕС по вопросам финансового программирования и бюджета. («Газета wyborcza», 4-5 июня)

• «Чего добивается Ярослав Качинский? Общий план “перемен к лучшему” ясен. Общественный строй в Польше фактически уже поменялся (без формальных изменений Конституции — В.К.), так что власть нужно удерживать долго. Избирательное право будет скорректировано, а пропорциональность выборов вообще отменена. Впереди дальнейшие кадровые перестановки ради полного контроля над всей страной. Цели очевидны, но они же таят и определенную угрозу для нашей демократии, а текущая политика, несмотря на ряд опасностей, делает реализацию этих целей вполне возможной», — Анджей Веловейский, бывший депутат, сенатор и депутат Европарламента. («Газета wyborcza», 12 мая)

• «Наверное, самым крупным успехом правительства стало то, что оппозиция вынуждена сосредоточиться на ситуации вокруг Конституционного суда. А огромной части поляков она совершенно не интересна. (...) Демократия — это еще не та ценность, за которую поляки готовы умирать. (...) Зато удалось раздражить Брюссель. И это лучший подарок, который могла сделать правящей партии оппозиция. Теперь ПиС может без тени сомнения указать на своих противников пальцем и сказать: вот они, те, кто выступает на стороне чужих. А чужой — это враг. (...) Сегодня мы становимся свидетелями уникального, как мне кажется, события: получив власть, ПиС продолжает удерживать на прежнем уровне неприязнь определенной части общества к “Гражданской платформе”. (...) Язык войны по-прежнему пользуется популярностью. Нам пока не удалось

придумать достойного, привлекательного языка компромисса и согласия, благодаря которому арена политической борьбы могла бы стать площадкой единения», — проф. Ежи Бральчик. («Жечпосполита», 4-5 июня)

• «Я подозреваю, что ПиС сначала явно недооценивал тот резонанс, который вызвал в Европе конфликт вокруг Конституционного суда. Ярослав Качинский сам в какой-то момент заявил, что Венецианская комиссия была приглашена в Польшу слишком рано. (...) Власть продолжает тянуть время. (...) Сведение счетов с Дональдом Туском еще впереди. Конституционный суд не вернется к позиции, которую он занимал ранее. (...) Подождите до осени, (...) когда начнутся более радикальные и жесткие реформы, к примеру, изменения в судебной системе. (...) Это произойдет осенью, уже после визита Папы Римского Франциска и саммита НАТО. (...) Стратегической целью ПиС является смена всей общественной элиты Польши, и пока Ярослав Качинский возглавляет правящую партию, этот план будет реализовываться. (...) Осенью, когда начнет действовать программа «500+», по которой государство станет ежемесячно выплачивать родителям по 500 злотых на второго и каждого последующего ребенка, поляки наконец-то получают деньги. (...) Именно тогда ПиС придется начать завоевывать новых сторонников среди избирателей», — проф. Антоний Дудек. («Польска», 13-15 мая)

• «Качинский, безусловно, понимает, что ему не удастся изменить негативное отношение либеральных элит к его “революции”, поэтому он хочет заменить эти элиты своими собственными. Достижению данной цели будет служить не только административная власть, но и политика по перекрытию финансового кислорода старой элите, декоммунизация и борьба с иностранным влиянием в руководстве масс-медиа, банков и так далее. (...) По мнению ПиС предыдущие польские элиты отказались от своих национальных корней, заражены космополитизмом, слишком увлечены Европой в ее либеральной, федеративной и атеистической версии. (...) Разгром государственной гражданской службы (...) свел на нет ранее действовавшие правила трудоустройства на различные уровни управления. (...) Через три года прокурорский корпус будет состоять лишь из протеже Збигнева Зеб्रो. (...) С судьями справиться будет сложнее. (...) Молодые офицерские кадры поддерживают министра Мацеревича, поскольку он отстраняет старших офицеров и поощряет быстрое, несколько показное продвижение молодежи по службе. (...) Бывшие журналисты провинциальных СМИ без всякой переподготовки, не утруждая себя поэтапным карьерным ростом, становятся ведущими главных информационных программ общественных масс-медиа. (...) Новая медиа-элита воспитывается в высшей школе о. Рыдыка. (...) Министр Глинский перенаправляет финансовые потоки на разного рода инициативы правого толка и совершает кадровые перестановки в подведомственных ему учреждениях». (Мариуш Яницкий, Веслав Владыка, «Политика», 24-31 мая)

• «В нашем культурно-историческом пространстве (я имею в виду Западную и Центрально-Восточную Европу) подобных попыток отказа от демократии в пользу авторитаризма было немало, особенно в период между двумя мировыми войнами. Ярослав Качинский занят реализацией именно такого сценария. (...) Внушает оптимизм то, что в этой ситуации гражданское сопротивление не заставило себя долго ждать. (...) Первая стадия авторитаризма всегда характеризуется установлением полного контроля над государством, чьи структуры укомплектовываются абсолютно лояльными людьми, готовыми выполнить любое распоряжение. Вторая стадия — своего рода “разводка” оппозиции, которую дурачат как можно дольше. Обе эти стадии мы сейчас и наблюдаем. (...) Следующим этапом станет покушение на суверенитет судебной власти, после чего начнется очередное закручивание гаек в СМИ. И так шаг за шагом, вплоть до попыток фальсификации выборов при помощи нового, “карманного” избирательного права. За все это поляки однажды предъявят власти счет на парламентских выборах. (...) При этом с председателя правящей партии взятки будут гладки, он слишком хитер. Он все время держится вне властных структур, и поэтому чист — во всяком случае, перед людским судом», — проф. Томаш Наленч. («Польска», 13-15 мая)

• «День правосудия (...) отмечается 23 мая, в годовщину убийства в 1992 г. в Италии судьи Джованни Фальконе, боровшегося с сицилийской мафией. (...) К судьям обратился проф. Адам Стшембош, первый после преобразований 1989 г. председатель Верховного суда, один из авторов книги “Варшавские судьи в час испытаний”, запечатлевшей образы польских судей времен военного положения: “Дорогие коллеги, мы должны отдавать себе отчет, что для нас наступают непростые времена. Но времена не выбирают, и можно оставаться судьей при любых, в том числе и самых сложных исторических обстоятельствах. Это убедительно доказали те судьи, которые даже в период военного положения смогли сопротивляться невероятно мощному давлению, чтобы сохранить собственное достоинство и — что для судьи важнее всего — независимость от любой власти, беспристрастность при отправлении правосудия”». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 24 мая)

• «Решение принято. (...) Министр юстиции Збигнев Зеб्रो считает, что дисциплинарные суды слишком мягко относятся к провинившимся судьям. (...) Для судей вводятся новые виды материальных взысканий (в размере от 5 до 15% заработной платы), кроме того, (...) заседатели по дисциплинарным делам должны следить, чтобы

выносимые решения были более жесткими. Функции заседателей будут выполнять представители других юридических профессий: адвокаты, нотариусы, юрисконсульты». («Жечпосполита», 3 июня)

- «Создается новая ассоциация следственных работников “Lex Super Omnia” (“Закон превыше всего”). В понедельник состоялся ее первый съезд, на котором был принят устав и избрано руководство. Ассоциация планирует добиваться конституционного закрепления основных принципов деятельности прокуратуры, (...) а также защищать независимость прокуроров. “Если Збигнев Зебро думает, что ему удалось усмирить прокуратуру, то он ошибается. В нашем лице у него появилась сильная оппозиция, которая будет бороться с политизацией прокуратуры”, — заявил один из членов ассоциации». («Дзенник газета правна», 25-26 мая)

- «Депутаты городского совета Гданьска в четверг присвоили одной из городских площадей имя Тадеуша Мазовецкого. Против такого решения выступили депутаты от ПиС». («Газета wyborча», 29 апр.)

- «Канцелярия премьер-министра (...) объявила нерабочим днем пятницу 27 мая, следующую за праздником Тела Господня. (...) Отработать этот день придется в субботу 4 июня, в годовщину первых относительно свободных выборов 1989 года. Ранее на 4 июня запланировал свою манифестацию Комитет защиты демократии. Его лидеры посчитали, что перенос выходного дня преследовал своей целью помешать госслужащим принять участие в антиправительственной демонстрации. Поэтому активисты решили начать манифестацию в 16 часов дня». (Яцек Низинкевич, «Жечпосполита», 19 мая)

- «Комитет защиты демократии пообещал провести новые демонстрации. (...) 4 июня этого года общественники, сплотившиеся вокруг “Гражданской платформы”, а в особенности вокруг бывшего президента Бронислава Коморовского, пытались сделать эту дату символом обретения Польшей независимости, (...) поскольку 4 июня 1989 г. состоялись полусвободные, так называемые “договорные” выборы. (...) Президент Анджей Дуда не собирается следовать по стопам своего предшественника и с размахом праздновать день 4 июня. Премьер-министр Беата Шидло решила, что 4 июня государственные служащие будут работать. (...) В патриотических кругах куда более важным событием, нежели выборы, состоявшиеся в результате переговоров за Круглым столом, считаются забастовки рабочих в 1980 году. Право-консервативная среда пытается выстроить связь с традициями Второй Речи Посполитой», — проф. Мечислав Рыба. («Наш дзенник», 4-5 июня)

- «4 июня 1989 г. состоялось решающее сражение, увенчавшее почти десятилетнее, начатое поляками в августе 1980 г., “восстание солидарности”. (...) 4 июня миллионы избирателей отдали свои голоса за “Солидарность”, в то время как правительственные кандидаты в Сейм и Сенат потерпели сокрушительное поражение. ПОРП (Польская объединенная рабочая партия) и так называемые “партии-союзники” смогли провести своих представителей в Сейм только благодаря второму туру выборов, состоявшемуся 18 июня. (...) Победа “Солидарности” стала триумфом огромного количества людей из разных слоев общества и с разными политическими и религиозными взглядами. Несмотря на эти различия, на выборах 1989 г. людям удалось проявить удивительную согласованность действий и добиться невозможного: Польша получила независимость». (Инка Слодковская, «Жечпосполита», 4-5 июня)

- Годовщину 4 июня Комитет защиты демократии отметил в 33-х городах в Польше и 22-х — за границей. «Самое массовое празднование 27-ой годовщины частично свободных выборов состоялось в Варшаве. Марш “Все вместе за свободу” проследовал от Банковской площади к площади Конституции. По данным столичной мэрии, в демонстрации участвовало 50 тыс. человек, по данным полиции — 10 тыс., а проправительственные “Новости” на канале TVP сообщили о 17,5 тыс. участников. (...) Колонну возглавляли два бывших президента — Александр Квасневский и Бронислав Коморовский; не хватало только Леха Валенсы. (...) Марш начался с минуты молчания в память о студентах, расстрелянных 4 июня 1989 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине. (...) На площади Конституции выступили оба бывших президента. Коморовский обратился к митингующим “Дорогие мятежники”, намекая тем самым на субботнее высказывание Ярослава Качинского». (Михал Вильгоцкий, Михал Шатларский, «Газета wyborча», 6 июня)

- «После того как поляки в очередной раз высказались за перемены и улучшения в нашем Отечестве, в стране снова зреет мятеж», — заявил Ярослав Качинский в своем выступлении на варшавском окружном съезде ПиС. («Наш дзенник», 6 июня)

- «Демонстрации Комитета защиты демократии — это протест сорока- и пятидесятилетних. В партии «Вместе» преобладают тридцатилетние, зато основное ядро право-консервативных партий составляют лица двадцати с небольшим лет. И речь идет не столько о «Праве и справедливости», КОРВиН («Коалиция обновления Республики — воля и надежда») или Кукиз’15, сколько о Национально-радикальном лагере. (...) Идут массовые увольнения на телевидении, в крупных компаниях, на госслужбе, но это хорошая новость для двадцатилетних — одних увольняют, других будут принимать на работу. Я вижу в этом вполне рациональный

расчет Качинского. Однако не вижу, к чему все это ведет, какую систему выстраивает. И я боюсь, что они сами этого не знают. Тут есть элемент мести, реакции, кадровой составляющей. (...) И, как это часто бывает в случае революции, неизвестно, к чему это приведет», — Мартин Меллер. («Польска», 3-5 июня)

- «Правительство повышает оклады полицейским и пожарным. Месячная зарплата сотрудников этих структур до 2019 г. вырастет в среднем на 562 злотых. Первые прибавки запланированы на будущий год. Полицейские и пожарные службы ждут также модернизация. В частности, появятся новые комиссариаты полиции». («Жечпосполита», 2 июня)

- «В торжественном освящении храма, построенном редemptористом Тадеушем Рыдзыком, приняли участие министр национальной обороны Антоний Мацеревиц, (...) министр внутренних дел Мариуш Блашак, министр юстиции Збигнев Зебро, министр охраны окружающей среды Ян Шишко, министр сельского хозяйства Кшиштоф Юргель, министр инфраструктуры Анджей Адамчик, руководитель канцелярии премьер-министра Беата Кемпа и другие официальные лица. Также на церемонии присутствовали Куявско-Поморский воевода Миколай Богданович, мэр Торуня Михал Залеский и все вице-мэры. Простых депутатов и деятелей самоуправления и вовсе было не счесть. Кроме того, в освящении участвовали более пятисот духовных особ — священники, кардиналы и епископы». (Агнешка Сова, «Политика», 24-31 мая)

- «Музей Иоанна Павла II и примаса Вышинского в Храме Провидения Божия перестал быть церковным объектом. Теперь учреждение находится в совместном управлении Министерства культуры и национального наследия. Это, кроме прочего, означает, что часть расходов на содержание объекта будет покрываться из государственного бюджета». («Газета wyborcza», 9 мая)

- «В воскресенье город Остров-Мазовецка при участии министра культуры Петра Глинского организовал инсценировку бракосочетания и свадебного банкета ротмистра Витольда Пилецкого, казненного в 1948 году. Правда, в 1931 году банкета не было. Дом-музей семьи Пилецких появится в городе, где ротмистр был всего три раза, а дата 8 мая является для его семьи травмирующей, поскольку именно в этот день Пилецкий был арестован. (...) Несмотря на протесты его семьи, 8 мая город решил “увековечить свадьбу Пилецкого”. (...) В роли молодоженов выступили актеры. В торжественном богослужении участвовали вице-премьер и министр культуры Петр Глинский и вице-министр Магдалена Гавин». (Яцек Свёндер, «Газета wyborcza», 13 мая)

- «Решение о ликвидации Польского института дипломатии было принято в конце марта, несмотря на то, что в феврале министр иностранных дел без замечаний принял годовой отчет о деятельности института. (...) О том, что над институтом сгущаются тучи, свидетельствовал вопрос, поступивший от чиновников МИДа: “Почему у вас тут всё на английском?”». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 21-22 мая)

- «Рышард Шнепф уволен с должности посла Польши в США. (...) Как сообщает “Радио Зет”, после вручения послу распоряжения о его увольнении, представители польского МИДа упрекнули Шнепфа в том, что он принимал в США председателя Конституционного суда Анджея Жеплинского». («Газета польска цодзенне», 2 июня)

- «32 из 39 членов Государственного совета охраны природы (ГСОП) во вторник получили письмо министра охраны окружающей среды Яна Шишко о прекращении их полномочий. Уволенные лица, в частности, выступали с критикой вырубki Беловежской пушки. (...) “Более половины членов нового совета, в который войдут 29 человек, составят лесники, представители вузов и других организаций, связанных с охраной лесов”, — говорится на официальном сайте ГСОП. Среди новых членов ГСОП немало тех, кто поддерживает политику министра Шишко — к примеру, проф. Ванда Мех из Высшей школы сельского хозяйства, выступающая за более интенсивный отстрел зубров». («Газета wyborcza», 12 мая)

- «Со своих должностей уволены также директора национальных парков: Беловежского, Бебжанского, Свентокшиского, Словинского и Волинского». (Адам Вайрак, Доминика Вантух, «Газета wyborcza», 18 мая)

- «Беата Шидло утвердила новый состав Научного совета лесничества, который возглавил проф. Януш Сова, специалист по вырубке деревьев и бензопилам. (...) “Чтобы сохранить Беловежскую пушку, ее нужно периодически рубить. Уже наши деды и прадеды знали, что единственное средство для успешного ведения лесного хозяйства — это топор”, — считает председатель совета. (...) В коридорах компании “Государственные леса” сегодня можно увидеть целые толпы священников: национального пастыря лесников, почетных пастырей лесников, координирующего пастыря лесников, пастыря Главного управления “Государственных лесов”, а также пастыря Лесоохраны (в общей сложности, около 38 пастырей). (...) А министр охраны окружающей среды Ян Шишко известен своими тесными контактами с Тадеушем Рыдзыком и радио “Мария”. (Войцех Цесля, «Ньюсуик Польска», 23-29 мая)

- Открытое письмо против увеличения вырубки деревьев в Беловежской пуще подписали 25 профессоров и докторов наук, представляющих 22 научные организации девяти различных городов. По мнению подписавших письмо, «планы по увеличению добычи древесины в Беловежской пуще с целью борьбы с жуком-короедом являются грубым вмешательством в естественные процессы, происходящие в пуще, и могут привести к ее превращению в хозяйственный лес, а также к утрате естественного характера ее наиболее ценных участков и, как следствие, потере статуса объекта мирового наследия». («Дзике жиче», май 2016)
- «Вроцлавский Фонд экономического развития в своем отчете “На страже деревьев” подсчитал, что в 2011-14 гг. в столицах воеводств было вырублено свыше 800 тыс. деревьев. “Применительно к среднестатистическому лесу такое количество деревьев занимает ок. 2,6 тыс. гектаров. Это все равно, что вырубить половину строгого природного резервата Беловежского национального парка”, — говорит сотрудник фонда Александр Гургуль. («Газета wyborcza», 10 мая)
- «По оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в Польше из-за загрязнения воздуха преждевременно умирают около 44 тыс. человек в год. (...) ВОЗ только что опубликовала новый рейтинг самых загрязненных городов мира. Из 50 самых загрязненных городов Евросоюза 33 находятся в Польше. (...) Список самых загрязненных европейских городов открывает Живец (...). Второе место занимает Пщина, в первой десятке также находятся Рыбник (4-е место), Водзислав-Силезский (5-е место), Опочно (6-е место), Суха-Бескидская (7-е место) и Годув (8-е место)». (Доминика Вантух, «Газета wyborcza», 16 мая)
- «В 2010 г. Польшу покинули два миллиона человек, год назад — 2,32 млн. (...) По сравнению с осенью прошлого года, на 225 тыс. человек увеличилось количество тех, кто открыто заявляет о своем желании уехать. (...) 34% хотели бы уехать в Германию, 18% планируют работать в Великобритании, 8% респондентов в качестве нового пристанища указывают Голландию. (...) Образ польского эмигранта изменился. В наши дни об отъезде говорят в основном молодые люди, не достигшие 34 лет, имеющие начальное или среднее образование, не работающие либо зарабатывающие менее 2 тыс. злотых в месяц, живущие в деревне либо в городе с населением менее 100 тыс. жителей. Ранее планы, связанные с отъездом, строили в основном люди, имеющие постоянную работу, высшее либо профессиональное образование». (Виктор Рачковский, 16-22 мая)
- «Молодые люди сравнивают зарплаты, предлагаемые в Польше, с теми, на которые они могут рассчитывать в Германии — и убеждаются, что у себя дома заработают в три раза меньше. (...) Они убеждены, что в Польше их просто кто-то обкрадывает, забирая себе две трети причитающегося им вознаграждения. (...) В 1990 году, по причине более низкой производительности труда и более слабой валюты, средняя польская зарплата была примерно в 15 раз меньше западноевропейской (а до этого ситуация была еще хуже). В результате огромного экономического успеха последних 25 лет эта разница уменьшилась всего в три раза. (...) Польские зарплаты могут постоянно увеличиваться только с той скоростью, которую им позволяют рост производительности труда и устойчивость валюты. Чтобы достичь уровня зарплат наших более богатых соседей, нам нужно не менее двадцати лет — и лишь при условии высоких хозяйственных результатов. Однако большая часть молодежи не захочет ждать так долго и просто уедет, ослабив тем самым потенциал развития Польши», — Витольд Орловский. («Жечпосполита», 12 мая)
- «Если посчитать всех работников, занимающих различные должности на нестабильной и низкооплачиваемой работе, к тому же не гарантирующей отпуска или больничного, то окажется, что эти люди составляют половину всех занятых граждан. А ведь кроме них есть еще более 1,6 млн безработных, 80% которых даже не получают пособия. Польша — одна из стран ЕС с самыми низкими зарплатами, и государство не слишком старается переломить этот негативный тренд». (Петр Шумлевич, «Дзенник газета правна», 13-15 мая)
- «Сегодня маятник истории качнулся в сторону право-консервативной идеологии. (...) Я думаю, что это следствие (...) экзистенциального опыта молодых. Степень их неуверенности в завтрашнем дне очень высока. На свободном рынке труда доминируют корпорации либо — что еще хуже — мелкие предприятия, сотрудники которых могут рассчитывать лишь на статус рабочей силы. (...) В Польше нет вопиющей нищеты, зато есть проблема имущественного расслоения. Две трети работников получают зарплату ниже средней! С точки зрения доступности жилья молодежь находится в более скверной ситуации, чем во времена коммунизма. Все это им активно не нравится. (...) И поэтому молодые люди хотят перемен. (...) Тем временем оппозиция твердит: “Мы должны придерживаться того курса, которым следовали последние 25 лет, это был огромный успех”. Но молодежи на такие успехи плевать. (...) С одной стороны — успех, с другой — экономически мы находимся на задворках Европы», — проф. Рышард Бугай. («Газета wyborcza», 28-29 мая)
- «У нас очень хороший запасной потенциал, в том числе отлично функционирующий частный сектор, который будет и дальше тянуть на себе экономику. Кроме того, мы располагаем резервами, накопленными за предыдущие исторические периоды. Так что пару лет мы можем себе позволить заниматься политическим популизмом.

Потом ситуация начнет ухудшаться, поскольку экономика потащит вниз государственный сектор, в первую очередь крупные государственные предприятия, которыми будут управлять кое-как и впутывать их в различные безумные проекты вроде восстановления щецинской судоверфи или объединения горнодобывающей и энергетической отраслей. (...) Если мы решим создавать крупные государственные компании, которые будут толкать экономику вперед, это может плохо кончиться. Судя по тем изменениям, которые происходят в области государственного предпринимательства, критерии профессионализма, опыта и проверенных навыков отошли на второй план. (...) Люди ценят тот факт, что частные фирмы работают более эффективно, но сами хотели бы трудиться в государственных компаниях. Почему? Чтобы легче было жульничать. Их не заботит процветание государства, экономики, общества. Они думают только о собственных интересах. (...) Мы — народ эдаких мелких предпринимателей-прохиндеев. Это своего рода ценность, которую нужно использовать, а не переживать из-за того, что мы такие, какие есть», — проф. Анджей Козминский. («Жечпосполита», 12 мая)

• «Наша страна заняла позорное первое место в Евросоюзе по количеству задержек во взаиморасчетах при ведении бизнеса. В Польше вовремя оплачивается менее половины счетов-фактур». («Жечпосполита», 10 мая)

• «Агентство “Moody’s” не снизило рейтинг Польши, (...) однако изменило оценку ее перспектив со стабильной на негативную, мотивируя это, в частности, увеличением государственных расходов и “ухудшением инвестиционного климата в связи с непредсказуемостью в области политики и законотворческой деятельности”. (...) Более пристальное внимание агентство обратило на сугубо экономические критерии, предупредив правительство, что на ухудшение рейтинга могут повлиять, в том числе, снижение пенсионного возраста и конвертация кредитов, взятых в швейцарских франках. И то, и другое в ходе парламентских выборов обещала полякам партия “Право и справедливость”». (Витольд Гловацкий, «Польска», 16 мая)

• «В течение ближайших двух лет Польша должна принять 7 тыс. человек. Собранные вместе, эти люди могли бы занять, к примеру, территорию небольшой варшавской площади. Как они могут исламизировать страну с населением в 38 млн человек? Еще совсем недавно в Грецию на выходные приезжали 7 тыс. туристов. Вы просили нас о солидарности, когда чувствовали угрозу в связи с агрессивной политикой России. Мы выполнили вашу просьбу. Однако западному обывателю не дают спокойно спать вовсе не русские танки, а миграционный кризис. И теперь мы просим вас о солидарности с нами», — Алессандро де Педис, посол Италии в Варшаве. («Газета wyborcza», 18 мая)

• «Понимают ли люди, разглагольствующие о необходимости “защитить цивилизацию”, что в раннехристианскую эпоху первыми понтификами были сирийцы? Папы Аникет, Иоанн V, Сергей I, Сизинний, Константин, Григорий III. Боясь мигрантов, мы на самом деле боимся себя. (...) Вот и вся цена нашей набожности. Мы любим разговоры о милосердии, (...) но если мы в одной руке держим четки, а другую при виде чужака сжимаем в кулак, “искра милосердия” (...) сразу же гаснет», — о. Мацей Бискуп, приор доминиканского монастыря в Щецине. («Тыгодник повсехный», 5 июня)

• «Критическую ситуацию с беженцами нельзя увязывать с террористической угрозой. Это просто нечестно, а кроме того, порождает в людях уверенность, что “во всем виноваты мигранты”, хотя теракты в Европе начались задолго до миграционного кризиса, да и участвуют в них чаще всего граждане и жители Европы, а не мигранты», — Кшиштоф Лидл, специалист по проблемам международного терроризма, преподаватель университета “Collegium Civitas” в Варшаве. («Жечпосполита», 30 мая)

• «Всемирные дни молодежи в Кракове (26-31 июля с.г.) попали в список трех мероприятий, оказавшихся под угрозой теракта, говорится в недавнем заявлении Госдепартамента США. Польское правительство было крайне удивлено этой новостью. Американцы, тем не менее, решили предупредить своих граждан». («Жечпосполита», 2 июня)

• «Два раскрытых на днях покушения на теракт демонстрируют основные разновидности нынешних террористических угроз. Студент, подложивший бомбу во вроцлавский автобус, (...) действовал самостоятельно, (...) был увлечен антиисламской риторикой Корвина-Микке, руководство по изготовлению бомбы нашел в интернете. (...) Группа анархистов, пытавшаяся взорвать несколько полицейских автомобилей в варшавском районе Влохи, находилась под наблюдением Отдела по борьбе с уголовным террором. (...) Идеология группы сочетала в себе неприязнь к “нынешней власти” с желанием отомстить полицейским за их жестокое обращение с друзьями несостоявшихся террористов». (Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 28-29 мая)

• «По данным Главной комендатуры полиции, количество преступлений, жертвами которых выступают цыгане и евреи, снижается. Сегодня злоумышленники нападают в основном на арабов и других мусульман». («Дзенник газета правна», 18 мая)

• «Деятельность Национально-радикального лагеря (НРЛ) вызывает особое беспокойство не только белорусской диаспоры, но и других живущих на территории Подлясья национальных меньшинств — литовцев, цыган, татар, евреев. О своих опасениях представители этих меньшинств рассказали на встрече с воеводой Подлясья Богданом Пашковским, состоявшейся 20 апреля в Управлении воеводства в Белостоке. (...) В связи с 82-й годовщиной создания НРЛ, около 400 человек прошли по улицам Белостока, выкрикивая, в частности, “Опомнись, Польша — Польша для поляков!”». (Эугениуш Чиквиж, «Пшеглэнд православный», июнь)

• «Почему молчит наше правительство, наш президент? НРЛ, призывая вешать евреев, подстрекает к геноциду. И власть должна реагировать на это, как на геноцид. (...) Группа молодых поляков прошла по улицам с призывами к убийству. А ведь нынешнее правительство в качестве приоритетной задачи всячески пытается показать всему миру поляков, которые укрывали евреев, а не принимали участие в их геноциде. Почему же тогда сопротивление оказывается таким слабым? (...) Я христианка. Я полька. Я ничем не связана с еврейским народом. Однако, чтобы выразить свой протест в связи с маршем НРЛ, хочу четко заявить: “Я еврейка”», — Иоанна Щепковская. («Жечпосполита», 7-8 мая)

• «На второй день православной Пасхи, 2 мая, горлицкий епископ Паисий и более сотни верующих торжественной процессией проследовали через лес и болото на кладбище уже несуществующей деревни Завадка-Мороховская. Когда-то эта деревня (...) насчитывала 46 домов, половина из которых была сожжена гитлеровцами в 1944 году, а между 25 января и 13 апреля (1946 года — В.К.) солдаты Польской народной армии в три этапа совершили ряд жестоких убийств в отношении проживавших там украинцев. Были убиты свыше семидесяти человек, в том числе дети, женщины и старики. На месте бывшей деревни позднее появилось кладбище», — о. Юлиан Феленчак. («Пшеглэнд православный», июнь)

• «22 мая президент Анджей Дуда вручил Кавалерский крест Ордена Возрождения Польши стороннику Путина, украинофобу и антисемиту, активисту радикальных националистических группировок польской эмиграции в Норвегии Богдану Кулясу». («Газета wyborcza», 1 июня)

• «По данным ЦИОМа, президенту доверяют 57% поляков. На втором месте в рейтинге доверия — премьер-министр Беата Шидло (48%). Павел Кукиз пользуется доверием 47% респондентов. (...) Далее по списку идут лидер «Современной» Рышард Петру (39%), председатель крестьянской партии ПСЛ Владислав Косиняк-Камыш (33%), Ярослав Качинский (32%), а также председатель Союза демократических левых сил Влодзимеж Чажастый и лидер Комитета защиты демократии Матеуш Киёвский, набравшие по 18%». («Газета польска цодзенне», 23 мая)

• Поддержка партий: «Право и справедливость» — 39%, «Гражданская платформа» — 17%, «Современная» — 11%, Кукиз'15 — 7%. Уровень поддержки прочих партий не позволяет им преодолеть избирательный порог. Опрос агентства «TNS Polska» от 13-18 мая». («Газета польска цодзенне», 30 марта)

• «55% поляков, участвовавших в опросе агентства «TNS Polska», негативно оценивают работу правительства (противоположного мнения придерживаются 34%). 47% респондентов считают, что Анджей Дуда плохо справляется с обязанностями главы государства (позитивно настроены по отношению к президенту 43%). Работой премьер-министра Беаты Шидло недовольны 49% опрошенных (довольны 40%). Опрос проводился 13-18 мая». («Тыгодник повсехный», 5 июня)

• «Президент Путин в субботу пообещал взять “под ракетный прицел” Польшу и Румынию. Это реакция на то, что первая из двух европейских баз антиракетного щита в румынском Девеселу уже находится в стадии оперативной готовности, а в польском Редзиково начала строиться вторая». (Витольд Гловацкий, «Польска», 30 мая)

• «В крупнейших за последние 27 лет военных учениях на территории нашей страны принимает участие 31 тыс. военнослужащих НАТО. (...) Сценарий 10-дневных маневров предусматривает согласованный вооруженный ответ на дестабилизацию региона Балтийского моря и эскалацию гибридной агрессии, а также на вторжение в страны Балтии и на часть территории Польши». «В Литве, которую спикер российского Совета Федерации обвинила в дискриминации прав россиян, сейчас проходят учения НАТО. А по другую сторону границы, в России, идут маневры с участием 30 тыс. военных», — Анджей Ломановский. («Жечпосполита», 7 июня)

• «“В польской армии должны неукоснительно соблюдаться десять основных христианских заповедей”, — заявил вице-министр национальной обороны Войцех Фалковский, не уточнив, однако, должны ли военные соблюдать заповедь “не убий”». (Дариуш Цвикляк, «Ньюсуик Польска», 25 апр. – 1 мая)

• «Анджей Дуда (...) участвует в диалоге. Ни один из его предшественников не выходил в сеть с такой интенсивностью, а интернет-пользователям приятно, что президенту эта форма общения приходится по душе. Эксперты по вопросам общественных масс-медиа единодушны в том, что своим успехом на выборах Дуда — по крайней мере, отчасти — обязан своим навыкам обращения с интернетом. Уже став президентом, он не прекратил сетевую активность и по-прежнему публикует видеоматериалы, отчеты и фотографии, подбирая себе специальный имидж для каждой конкретной группы пользователей. (...) Анджей Дуда находится на связи круглые сутки, он-лайн и офф-лайн, и доступен для всех, кто хотел бы с ним связаться. Это самая настоящая мировая сенсация — как правило, главы государств прибегают к услугам виртуальных менеджеров. Но Дуда обновляет свой личный профиль в интернете самостоятельно. (...) Пока Сейм по ночам заседает, президент ведет дискуссии в интернете». (Александра Желазинская, «Политика», 1-7 июня)

3: Сила духа и прощение

День 24 июня 2016 года будет одним из важнейших в истории польско-украинских отношений. В Люблине Надежде Савченко вручили статуэтку «Орел» — премию им. Яна Карского. Напомним, что Карский был во время войны эмиссаром Польского подпольного государства, подготовил и перевез на Запад отчеты об уничтожении евреев в Польше.

Надежда Савченко получила премию «за силу духа в борьбе за человеческое достоинство и честь». Во время церемонии в Люблине она сказала:

— Я готова просить прощения и простить. Я приношу польскому народу извинения за зло, причиненное украинцами в давней и недавней истории. Если можете, простите.

Ни одна из прозвучавших до сих пор деклараций по этому вопросу не была столь убедительной, хотя неизвестно, как скоро дойдет она до общественного мнения, занятого другими, якобы более важными вопросами. А ведь именно этот вопрос для Польши и Украины — самый важный.

Увы, двумя днями позже в Пшемысле произошли позорные беспорядки. Молодые польские националисты попытались не пропустить украинскую процессию, направлявшуюся к могилам солдат Петлюры. Выкрикивали оскорбительные лозунги, дело дошло до потасовки.

Когда в 1921 году Юзеф Пилсудский приехал в лагерь, в котором, согласно Рижскому договору, содержались интернированные петлюровцы, наши недавние союзники, он сказал: «Господа, я прошу у вас прощения. Я очень прошу вас простить меня».

Выступившие в Пшемысле националисты — как бы ни силились они заглушить голоса, взывающие к единению и сотрудничеству, — не наши представители.

Пани Надя, мы просим прощения.

**Петр Мицнер,
редактор «Новой Польши»**

4: О Бжозовском

*Непонятен был прежде всего сам человек,
который трактует проблемы интеллекта так,
словно это вопрос жизни и смерти.
Чеслав Милош*

Ренессанс Бжозовского? Об этом пока говорить еще рано. Какой ренессанс, если книги Бжозовского — раритеты? Придется ли ждать выхода обещанного полного собрания его сочинений в Польше так же долго, как мы ждали собрания сочинений Норвида?

Помимо книги Анджея Ставара «О Бжозовском» Варшава: «Читательник» 1961., у нас теперь есть «Человек среди скорпионов» Чеслава Милоша Париж: «Институт лите́рацкий» 1962.. Ставар осмыслил Бжозовского с точки зрения

доктрины марксизма. В результате некоторые направления его мысли получили априори негативную оценку. Восхищение Бжозовского Пруденом *наряду* с почитанием Маркса, непосредственное и продолжительное влияние Сореля — все это для Ставара «голоса» индивидуалиста, «слабо разбирающегося в условиях общественного действия»; вся же религиозная сторона мысли Бжозовского — не более чем выражение болезненной депрессии «патологического» романтика, естественное для смертельно больного писателя искушение. «Его мыслительная эпопея полна смелых прорывов... неужто ей суждено закончиться на пороге ризницы?» — пишет Ставар..

«Человек среди скорпионов» представляется мне первой попыткой осмыслить без предубеждений всего Бжозовского. Милош, видя в нем предтечу экзистенциальной философии, глубже проникает во внутреннюю логику развития мысли этого приверженца Маркса и кардинала Ньюмена, мысли сложной, разнонаправленной, нередко самой себе противоречащей. Трудно, пожалуй, найти более подходящего автора для создания такой книги: Милоша и Бжозовского многое роднит — интерес к одним и тем же общественным вопросам, одно и то же увлечение интеллектуальными проблемами и сознание их безусловной значимости, одна и та же щепетильность и восприимчивость к моральному аспекту вопросов, схожие колебания и терзания, которые автор не вуалирует и не скрывает, но, напротив, пытается доискаться их смысла.

Милоша также пытались затравить и справа, и слева, но, к счастью для него и для нас, он выиграл. Бжозовский мог бы (будь он жив) сказать ему:

Ты пойдешь верхом, ты пойдешь верхом
А я долиной.

Контраст между сходством некоторых интеллектуальных сюжетов Бжозовского и Милоша и расхождением их жизненных путей поразительный.

«Человек среди скорпионов» вышел в мае, я ищу в «Культуре» и других изданиях рецензии на эту книгу, представляющуюся мне столь важной. Ничего — только любезно похлопывающий Милоша по плечу Гомбрович, который, впрочем, замечает, что Бжозовского не читал, что, однако, не мешает ему высказаться за Сенкевича и против Бжозовского. ^{Полемика с книгой Ставара содержится в ценной статье Ежи Фияса «Бжозовский, Ньюмен, католичество» в «Тыгоднике повсехном» от 5 августа 1962.}, а также очередной вклад покойного Побуг-Малиновского в «дело» Бжозовского, не вносящий и не могущий внести в него никакой ясности.

Я сам принадлежал к числу приверженцев Бжозовского, о которых Милош пишет, что они являлись приверженцами «эмоциональными», попросту не способными объять философскую мысль писателя, я принадлежу к поколению, не исполнившему в отношении него свой элементарный долг — сегодня это сделал за нас Милош. Вдохновленный книгой «Человек среди скорпионов», я хотел бы попытаться через собственные воспоминания проникнуть в суть влияния Бжозовского на молодежь начала XX века и, сопоставив ряд текстов и фактов, подтвердить то, что Милош пишет об отношении Бжозовского к католицизму.

«... словно это вопрос жизни и смерти»

Говоря в начале своей книги о первых читателях Бжозовского, Милош утверждает, что они «или не понимали его вовсе, или понимали одну фразу из трех», что «кампании Бжозовского... снискали ему энтузиазм среди молодежи, однако это были, как правило, только эмоциональные приверженцы». Оценка представляется мне справедливой. Но в чем же заключалась эта сила его воздействия на «эмоциональных приверженцев», магия, которой я сам поддался до такой степени, что встречу с Бжозовским до сих пор считаю одним из важнейших событий в моей жизни? Будь я редким исключением, это можно было бы считать фактом лишь моей биографии, однако моя реакция на его труды, запоздавшая как минимум на десять лет и потому нетипичная, была в той же, если не большей степени, характерна для современной Бжозовскому прогрессивной молодежи. Не знаю, имелись ли у Жеромского, Выспянского и даже Пшибышевского столь же фанатичные друзья и сторонники.

«Легенда Молодой Польши» выходит дважды, в 1910 и в 1911 годах ^{Даты я указываю вслед за Ежи Ижиковским по варшавскому изданию «Легенды» 1937 года.}, во Львове, в издательстве Полонецкого. Около четырех тысяч экземпляров

этого пятисотстраничного философского труда, написанного языком трудным, порой невнятным и даже отталкивающе патетическим, распродается в Кракове в считанные дни!

Подозрения Бжозовского в предательстве и доносительстве, «дело» Бжозовского — это борьба обвинителей (вовсе не только скорпионов) с истово верящими Бжозовскому его приверженцами.

Тонкий читатель, даже понимая у Бжозовского «одну фразу из трех», ощущал *тон* писателя, характерный *démarche* его мысли, воплощение в слове личного опыта всего существа, а не только лишь отвлеченные, «профессорские» построения («не являющееся биографией — не существует вовсе»), связь с моральной ответственностью, словно бы стирание границ между процессом высказывания философа и художника.

Милош пишет: «Непонятен был, прежде всего, сам человек, который трактует проблемы интеллекта так, словно это вопрос жизни и смерти». Тут Милош ошибается. Как раз *эта* позиция снискала ему приверженцев. Всем, кому интеллектуальный горизонт Сенкевича казался не только тесным, но и фальшивым — Бжозовский пробивал окно в мир. Кроме того, он вырывал читателя из тисков светских *ни к чему не обязывающих* диспутов, из мира «подфилиппины»¹ После выхода романа польского прозаика, поэта, литературного критика Юзефа Вейсенгофа (1860–1932) «Жизнь и мысли Сигизмунда Подфилиппского» (1898), рисующего бесцельное существование аристократически-

плутократической среды, термин «подфилиппина» стал для современников синонимом снобизма и беспардонного социального карьеризма — Прим. пер. «Тон» этих трудов заставлял читателя изменить свою позицию по отношению к жизни, всё предстало проблемой совести, обязывало по отношению к конкретной, *данной* действительности. Польше «инфантильной», «беспечной», «легкомысленной» и «праздной», с «призраком Рейтана, стерегущим порог каждой кладовой», польскому «Обераммергау» празднеств и напыщенных фраз Бжозовский противопоставлял иную картину и польской истории, и польского романтизма, противопоставлял Мохнацкого и Норвида, другое место Польши в современной Европе. Польша была для него единственным посредником, с помощью которого читатель мог не только занять свое место в мире — в широком, самом широком смысле, но и участвовать в судьбах этого мира. Уклоняться от этой задачи не имел права никто.

«Жизнь наша, я наше — это пост часового; когда мы с него уйдем — его потеряет всё человечество навсегда». Как же звучали тогда эти слова!

В этой борьбе за новое отношение к миру Бжозовский не был одинок, он принадлежал к «Молодой Польше». Еще в «Идеях» он говорит о том решающем влиянии, какое оказали на него Пшибышевский, Жеромский, Выспянский, Каспрович, даже открыватель Норвида, Мириам, на которого Бжозовский так нападал, Ижиковский, его современники, которых он то превозносил, то стирал в пыль своей критикой; они создали атмосферу, в которой труды Бжозовского могли воспламенять. Это было пробуждение мысли и искусства, по отношению к которому интеллектуальное и художественное наследие независимой Польши могло показаться плоским и вновь провинциальным.

Анахроничные воспоминания

Пытаясь разобраться в сущности «магического воздействия» Бжозовского на молодежь начала века, хочу вернуться к собственным воспоминаниям, как я уже писал, нехарактерным в силу сдвига во времени на десять с лишним лет, однако столь близким реакции молодежи на труды Бжозовского в 1905–1914 годах.

Я открыл для себя Бжозовского лишь в 1919 году, в Кракове, после инкубации в России. Еще в Петербурге, на школьной скамье, русская литература, российская действительность стали моим первым интеллектуальным опытом, наложившим на меня отпечаток. В Бжозовском я с первой же минуты увидел подобный накал мысли. В своих трудах он неоднократно говорит, скольким обязан России; утверждает, что русская общественная мысль была глубже польской, и даже видение Запада более полным и современным, чем в Польше (Мицкевич писал то же самое о России николаевской эпохи в своих письмах к Одыньцу).

Если я где-либо и когда-либо ощущал отношение к проблемам интеллекта как к вопросу жизни и смерти, то именно в России. Для либеральных русских это всегда были проблемы универсальные, связанные с Западом; по отношению к ним патриотизм Сенкевича казался провинциальным и лубочным. И в России, возможно, случались Подфилиппские, хотя их, вероятно, заменяли глухие ко всему реакционеры («Il n'y a que la mitraille pour la canaille»² «По мерзавцам — только картечью» (фр.). — говорил бывший министр, старый граф Пален, глядя в окно на большую демонстрацию в 1905 году). Но масштаб Российской империи, бесчисленные революционные движения, покушения, вся литература, начиная с проклятого Синодом Толстого с его поразительной

нравственной позицией и смертью, с Достоевского, каторжника, реакционера и пророка, целой плеяды других крупных писателей, видимо, глушили этот тип поверхностного — светского и ни к чему не обязывающего — «мышления». Там также существовали «белая деревня в атласе яблоневого цвета», но «вырванные из земли дубы», «грязные волны» захлестывающие «через кладбищенскую стену», «тяжелыми гробами», о которых писал Норвид, ощущались обществом более непосредственно и, возможно, более жестко, чем в Польше — сорок с лишним лет спустя после восстания, после эпохи органического труда, оправдывавшего разного рода компромиссы.

Впервые в Краков я приехал в 1919 году, через восемь лет после смерти Бжозовского, когда его «дело» уже было далеким, довоенным прошлым. От Кракова Бжозовского меня отделяла война — вокруг был Краков Независимой Польши. Я приехал из России, где пережил две революции; первую, февральскую — в Петербурге. Белые ночи того лета, в городе, охваченном ошеломительными надеждами и потрясениями, где не было молока и сахара, зато на площадях до утра толпились люди всех сословий, часами, группами, спокойно и страстно-сосредоточенно дискутировавшие о существовании и несуществовании Бога, о праведности и неправедности любой собственности, о братстве, об уничтожении всех границ, о новой справедливости. В том же Петербурге-Петрограде состоялся первый Всероссийский совет рабочих и солдатских депутатов, а председатель этого совета социалист Церетели, только что выпущенный из царской тюрьмы, обратился к солдатам всех фронтов, призывая их сложить оружие, и брататься поверх горы трупов этой ужасной войны. С обрывком газеты, где было напечатано это воззвание, я не расставался долгие месяцы. Сегодня трудно понять, как тогда звучали эти обращенные ко всему миру слова братства. Новая надежда тысячелетия? Так случилось, что перед самой Октябрьской революцией я также присутствовал при двухчасовой взволнованной речи самого Церетели о распаде любой власти под натиском большевистской партии. Уже тогда судьба демократической России, казалось, была предрешена.

Позже, после победы Октябрьской революции, я еще дважды возвращался за фальшивыми документами в Петроград. Но это уже были две зимы террора, расстрелов, переполненных тюрем, голода.

Краков! Я еще никого там не знал, мое невежество в области польских дел мне самому сегодня кажется почти невероятным. В моих воспоминаниях о тогдашнем пребывании в Кракове нет ни Вавеля, ни холма Костюшко, ни Марицкого костела, но я отлично помню темную приемную какого-то дантиста, где на столе, под некрасивой лампой в стиле сецессион, среди захватанных, сотни раз пролистанных иллюстрированных журналов открыл для себя «Легенду молодой Польши». Я начал читать с середины первой главы: «Наше я и история». Перечитываю эту главу сегодня. Что же было в ней тогда такого потрясающего, что я просто физически чувствовал, как открываю нечто для себя самое главное?

Я вдруг понял всем своим существом, уже с первых страниц этой книги, что я не один, что я связан с целым миром, с историей, что одиночества не существует, что мои самые сокровенные мысли и переживания не являются лишь моей собственностью, что они имеют соответствия в мире, поскольку являются плодом не одних только моих размышлений, но всего исторического процесса, который мое сознание сформировал (бытие определяет сознание?), что я принадлежу истории, хочу я этого или нет, что я не только необходим, но никто за меня того, что я должен сделать, не сделает, и сделать не может.

Дальше, уже углубившись в эту книгу, я с упоением открывал то, чего Россия никогда не могла мне дать: что мой путь к идее человечества, очаровавший меня на Востоке, ведет через Польшу, что ее развитие я не только не должен, но не имею права игнорировать. Этот безжалостный памфлет на инфантильную Польшу, единственную, какую я до сих пор знал, открывал мне глаза на иную Польшу. Мой комплекс неполноценности по отношению к великой отчизне Толстого, Достоевского и революции исчез. Толстой был первым Учителем моей юности, но Достоевский, Ницше, Розанов, узнанные мною в мой последний приезд в Россию, благодаря Мережковскому и его жене, поэтессе Зинаиде Гиппиус, с которыми я провел несколько вечеров в их ледяной, не отапливаемой квартире на Сергеевской в Петербурге, освободили меня от Толстого, подготовив к Бжозовскому, к его видению истории.

В «Легенде» в одной из сносок Бжозовский пишет о Жорже Сореле:

«...каждому, кто освоит стиль Сореля, перенасыщенный живой мыслью, словно захваченный врасплох, — неизбежно покажется бесцветным любой другой стиль письма. Сорель не строит архитектурные литературные конструкции, но строит саму мысль, в голове читателя он словно бы создает новые клетки и мозговые связи, пробуждает мыслительные процессы, “образует призвания”, как он сам выражается».

Я бы не сумел лучше описать воздействие на меня текстов самого Бжозовского.

С тех пор Бжозовский всегда был со мной. Я уже жил в Польше и Польшей. Снова была война. В бронепоезде братьев Малаговских, потом в Креховецком полку я открывал для себя польскую молодежь — открытую, исполненную энтузиазма, оптимистически настроенную (все любили Сенкевича, для скольких молодых людей бои 1920 года были продолжением «Трилогии»), не помню, чтобы я встретил адептов Бжозовского. В бронепоезде пилсудчика Малаговского, где офицерами и рядовыми были, в основном, студенты, я столкнулся с приверженцами Жеромского и, естественно, Пилсудского. В зале ожидания на станции Новы Сонч, где ремонтировался наш поезд, а затем на фронте я читал вечерами Бжозовского, и он учил меня Польше. Его глазами я и глядел на эту молодежь. Даже Мицкевич, не говоря уже о Норвиде, пришел ко мне через Бжозовского. А Запад, и те фамилии, которые я большей частью слышал впервые, от Вико, Карлейла, Гёте, Бергсона и Сореля до Мередита, Браунинга, Блейка, Вильфредо Парето и Ньюмена, — все это были звезды на новом для меня небосклоне, которые я почитал, поскольку их упоминал Бжозовский. Лишь среди офицеров легионов я встретил нескольких ценителей Бжозовского и, благодаря Бжозовскому, нашел с ними общий язык.

*

Но осенью 1920 года, поступив в краковскую Академию художеств, я оказываюсь в совершенно новом мире, с другой атмосферой и другими реакциями. Словно тот язык, то видение мира были стерты новой, послевоенной реальностью. Коллеги, с которыми я позже связал свою судьбу, будущие каписты^{Члены КП (Комитета парижского) — группы художников, созданной в 1923 году в Академии художеств в Кракове — Прим. пер. — это уже люди, тронутые формизмом («Мускатный орех»^{Клуб футуристов, созданный в 1921 г. в Кракове — Прим. пер.}), Маяковским (Бруно Ясенский), футуризмом, кубизмом.}

Я вхожу в этот мир моих новых друзей, в совершенно иную интеллектуальную атмосферу беззаботной уверенности в себе, победного оптимизма и чувственной радости жизни.

Эта молодежь из всех сил старается забыть, что по этой же Академии еще совсем недавно ходили длинноволосые художники в длинных пелеринах. Для моих товарищей я представляю собой явление довольно-таки анахроническое. У меня другие, чем у них, мыслительные и эмоциональные реакции. И это радостное приятие жизни выходит у меня немного вымученным — это не мой мир. Я ощущаю себя все более комичным эпигоном Молодой Польши, к которой никогда не принадлежал. Я и сегодня помню одну сценку из того периода.

Весной 1921 года (или уже 1922?) мои товарищи то и дело удирали из мастерской, часами плескались в Висле и загорали на пляже. Лежа обнаженным на песке, один из самых талантливых («Меньше всего работает и все время двигается вперед» — укоризненно-уважительно вздыхал профессор) говорит мне, убежденный, что высказывает глубокую и современную философскую мысль: «Не знаю, что важнее — загорать или рисовать».

Я молчу, потому что в этой атмосфере безмятежного наслаждения вдруг почти физически ощущаю затхлую подвальную атмосферу несвободы, обиды, трагедии, о которой эти мальчики ничего не знают и знать не хотят. Выспанский, здесь в Кракове умирающий от сифилиса, туберкулез и нищета Жеромского, окруженного осуждением правоверных, туберкулез, нищета и позорный процесс над Бжозовским, его смерть во Флоренции. Ощущаю ли я по отношению к ним свою вину, предательство? Из-за того, что молчу о них? Но кому я должен о них рассказывать? Товарищам по Академии? Молодая Польша, которую я только что для себя открыл, для них — тень навсегда ушедшего прошлого, но прежде всего — литература, которую невозможно читать. «Как ты можешь читать Жеромского, если есть Бальзак и Шекспир?» — говорит мне один из них. Когда я читаю другому «Освобождение», он кривится, словно я заставляю его проглотить уксус. — «Все это, похоже, в горячечном бреде писано». — Бжозовского они не знают и знать не хотят. Очередной призрак из прошлого. Долой призраков!

С годами, увлеченный собственной жизнью, своей работой, группой художников, с которыми я делю судьбу, Парижем, в который я отправляюсь в 1924 году, я перестаю следить за участью трудов Бжозовского. Если и встречаю в польской прессе, которую время от времени читаю, статьи о нем, то непременно снова о «деле». Был он предателем или не был? — оклеветанный идейными противниками, которых не щадил, заподозренный в том, что служил осведомителем Охранки. Большая часть польского общественного мнения верит скорее «обращенному» агенту Охранки, который сам признается, что пытал узников, нежели свидетельствам самого

Бжозовского и его друзей. Еще в 1918 году Жеромский, призывая к созданию Литературной академии ^{Цитирую по Ставару}, требовал, прежде всего, разобраться в этом тяготеющем над Бжозовским обвинении: или он будет оправдан, или вина его будет доказана, и творчество в этом случае *вычеркнуто из скрижалей польской культуры*. Столь радикальная позиция вовсе не была тогда в Польше редкостью. Примерно в 1925 году во Франции я встретил выдающегося эсера И. Фондаминского. За одно из покушений он еще царским правительством был приговорен к смерти; приговор заменили пожизненной ссылкой в Сибирь. Он бежал оттуда и осел в Париже в 1905 году; вернулся в Россию в 1917, затем снова оказался в Париже, уже как эмигрант. В кругах левой антибольшевистской эмиграции он был чуть ли не святым, всеми почитаемым, не имевшим врагов (Фондаминский умер в немецком лагере во время последней войны). Так вот, он заинтересовался наследием Бжозовского. Я попытался изложить Фондаминскому его философию, богатство его идей, которое не могли вместить рамки ни одной из тогдашних партий, рассказал о его отношении к вопросу религии и о его смерти. Фондаминский слушал с огромным интересом. Для него, русского представителя поколения Бжозовского, это была близкая по духу фигура, он находил в польском писателе те болевые точки, которые сам ощущал с подобной же силой. Я начал рассказывать о «деле» и моментально ощутил его нетерпение и почти раздражение, наконец Фондаминский взорвался: «Зачем вы мне все это рассказываете, какое мне до этого дело, *даже если это так*, даже если он в какой-то момент уступил омерзительному шантажу, какое это может иметь значение!»

Я привожу примеры обеих реакций на «дело» Бжозовского, характерные, если говорить об оценке приоритетов: нравственность писателя или плоды его мысли.

Сам я искал, как умел, объективного подтверждения своим убеждениям, своей уверенности, что все это «дело» сфабриковано врагами Бжозовского, «скорпионами», что это клевета. Я познакомился тогда в Париже с Рафалом Бубером, через его сына, который там учился. Этот благородный, верный друг и защитник писателя множеством конкретных фактов подтвердил мои предположения. После прочтения главы книги Милоша, где он классифицирует все доступные ему материалы вместе с заявлением Бжозовского 1908 года, «криком тонущего», после смерти свидетелей, защитников и обвинителей любое возвращение к «делу» представляется мне лишь умножением мешанины все более отдаленных во времени и от этого все менее точных сведений и домыслов. Не пора ли «дело» закрыть и заняться, наконец, исключительно идеями Бжозовского, так, как занялись ими Ставар и Милош?

«Дневник» Бжозовского

Не помню, чтобы в те годы я более глубоко перечитывал труды Бжозовского, за исключением «Дневника» — этих изданных посмертно, лихорадочных записей последних нескольких месяцев его жизни. Эта книжечка — единственный известный мне польский *journal intime*. Сколько таких существует во Франции, от Мен де Бирана до Симоны Вайль. А как еще можно назвать эти мысли, наскоро вписываемые в школьные тетради? «Дневник» Бжозовского — книга, которая останется в польской литературе. Если можно было бы переиздать хотя бы это последнее слово затравленного писателя! Сам стиль этих заметок, ясный, точный, вибрирующий от внутреннего жара, показывает, чего достиг Бжозовский. Эту книгу нельзя просто прочитать, с ней нужно сосуществовать. Исчезает младопольская патетика, юношеское проповедничество, здесь мы видим постоянные расчеты с самим собой — безжалостные, и нечеловеческие усилия не утратить ничего из того, что еще хочется или необходимо выразить. Оклеветанный, словно бы выброшенный за рамки польского общества, умирающий в далекой Флоренции, он записывает: «Не стоическая несокрушимость, а превозможение терзающих ран», пишет о способности простить, являющейся критерием силы, о пустыне одиночества среди «глупости и мелочных воплей польского бытия». Стремительными штрихами Бжозовский освещает целые области проблем и мыслей, там нет страницы, которая не заставляла бы читателя задуматься и подвести собственные итоги совести. Он пишет о литературе, противопоставляя ее чистой политике, о литературе, считаемой роскошью, как об «одном из самых верных путей, ведущих к освобождению от чудовищно глупых и развращающих политических суеверий». Мечтает о том, что, будь у него больше времени, он изменил бы «характер польской литературы на целые поколения» и был бы счастлив. За четыре месяца до смерти Бжозовский записывает: «Если бы я мог, если бы я только мог проучиться еще год, всего один год». Обращается к друзьям с отчаянной просьбой принести книги, которых ждет месяцами, ему не на что их купить, а в них он нуждается больше, чем в хлебе.

Бжозовский сурово оценивает своих друзей, молодых польских интеллектуалов, стремящихся к тому, чтобы «жизнь доставляла им *удовольствие*, удовольствие лично им, и если она таковой не является, это кажется им важным, достойным объективного изучения. Они моментально втягивают в дискуссию общество, Польшу, бытие, потому лишь, что, видите ли, у той или иной мелкой индивидуальности прервалось „ощущение удовольствия”».

Сколько же мыслей и замечаний, на сколько тем, которые могли бы, проживи Бжозовский подольше, разрастись в самостоятельные исследования о противоречивости любого искусства, поскольку «художественность определяется элементами, которые меняются медленнее всего», о лживости народного просвещения, если оно опирается на «веру в народ», без веры в правду и заботу о ней. Нет страницы, где бы читатель вчерашний, сегодняшний, завтрашний не нашел мыслей, которые касаются лично его, которые его то поддерживают, то осуждают. Как же немного людей в годы независимости вчитывались в эту книжечку, и кто читает ее сегодня, если ее и раздобыть-то негде? Всякий интеллигент знал «Дневник» Жида или «Путешествие на край ночи» Селина. А кто знал это польское путешествие на край ночи, кого оно интересовало? Как сегодня Гомбрович, так в то время Слонимский отстранялся от Бжозовского. Бжозовским, — писал тогда Слонимский — «интересуются лишь снобы да религиозные ханжи».

Сам я тогда для Бжозовского ничего не сделал, так что я разделяю эту ответственность со всеми остальными. Мое письмо в связи с этим делом, которое я послал в «Вядомосци» и которое упоминает Милош, было равнозначно бездействию. Помню, как Философов сказал мне: «Ты думаешь, так защищают память писателя? Написал три слова и снова уезжаешь в Париж? — Сказал: не разрешаю — и бежал на Прагу»^{Сказал: не разрешаю — и бежал на Прагу} — цитата из пьесы Ю. Немцевича (1757–1841) «Возвращение депутата» (1791) — Прим. пер. — От такой защиты никакой пользы быть не может». Ее и не было.

«Суеверие о Боге».

Есть одна проблема, которая не дает Бжозовскому покоя с ранних лет, ему, бывшему в молодости воинствующим материалистом. Неожиданным образом он затрагивает ее уже в «Философии польского романтизма»; это проблема католицизма. Следует помнить, что антикатолицизм являлся тогда догматом прогрессивных кругов. Отношение же Бжозовского к католицизму выходит за эти рамки. Ставар обнаруживает здесь «естественное искушение», Богдан Суходольский — последовательный путь материалиста к католицизму. Густав Герлинг-Грудзинский в предисловии к «Философии польского романтизма», переизданной в Риме в 1945 году, утверждает, что гипотеза Суходольского абсолютно неубедительна. Я не знаю книги Суходольского, но доверяю оценке Грудзинского, высказанной в его очень интересном и вдумчивом тексте. Отношение Бжозовского к католицизму следует рассматривать под совершенно другим углом, чем это сделали Ставар и Суходольский. Сегодня, после Симоны Вайль, было бы легче охватить и понять переживания Бжозовского. «Крайнее сомнение становится, само об этом не ведая, органом веры», — пишет Бжозовский. Эти слова могла бы написать Симона Вайль в своем «Очистительном атеизме» из книги «Тяжесть и благодать».

Уже в «Легенде» мы встречаем высказывания Бжозовского о католицизме; они полны сомнений. В главе «Мифы» Бжозовский пишет: «В довольно широкой перспективе сегодняшний период в культуре можно рассматривать как *распад католицизма*». В конце книги он пишет: «Порой мне кажется, что я должен написать *Пресуществование*». Он видит в католицизме общественное творение, высочайшее, какое создал мир. Обращаясь в «Легенде» к Норvidу и противопоставляя его Сенкевичу, Бжозовский называет его «одним из самых католических, наиболее католических умов столетия, наиболее безусловно католическим из всех наших поэтов». При этом он не перестает осуждать официальный польский католицизм и видит в нем «фактор культурной изоляции, а отнюдь не единства с процессами, которые развиваются, разрастаются и углубляются на Западе». Нигде отношение между католицизмом, глубокой моральной дисциплиной, охватывающей все бытие, и народным католицизмом не кажется ему столь деморализующим, как в Польше.

Говоря о Бодлере, о его просто-таки героической внутренней праведности, Бжозовский связывает ее с католицизмом поэта, поскольку:

«... католицизм опирается на убеждение, что жизнь каждого отдельного человека является частью неустанной борьбы, которую ведет искупленное человечество против Сатаны. Здесь важно всё».

«Католицизм объединяет понятие наиболее глубоко понимаемого универсализма с ощущением бесконечной значимости бытия каждой индивидуальности, каждой отдельной души».

Он снова возвращается к этому в «Одинокой душе»:

«Католицизм как чувство заключается в постоянном общении с целым... позиция мужская, закаленная, а не холодная, — возвышающая и братская, это одно из самых гордых творений человека, самых зрелых плодов его истории».

В главе о Выспанском Бжозовский также развивает идеи, связанные с пониманием католицизма, одновременно жестко осуждая польских «национальных» католиков. А в конце книги мы обнаруживаем такую фразу:

«Теперь, когда я ощущаю в себе непреодолимое стремление рассматривать все жизненные вопросы таким универсальным и одновременно индивидуальным образом, я невольно задаю себе вопрос, не является ли это психическим последствием католицизма, таящимся под самой оболочкой сознания... В тех случаях, когда католицизм не существует в нас как вера, он существует как форма потребности».

А ведь пишущий это Бжозовский католиком не является, что подчеркивает при каждом удобном случае. Ставар отмечает, что Бжозовский до конца своих дней воспитывал дочь в духе атеизма.

Потому что католицизм как раз и *не* существует в Бжозовском в качестве веры. Он восхищается католицизмом как феноменом, плодом исторического развития, но не верит в него.

«Дневник», последнее свидетельство мысли Бжозовского, запечатлевает в сжатом виде уже не месяцев, а дней окончательное и все еще полное сомнений отношение Бжозовского к вере и к католицизму.

25 декабря 1910 года, то есть за четыре месяца до смерти, Бжозовский записывает:

«Бог всеприсутствует; каждый, самый мимолетный факт жизни определяет жизнь, остается в ней раз и навсегда, то есть оказывается запечатлен в том, что по отношению к личности, к мгновению является бытием, определенным смыслом бытия и не только временем, но источником самого времени и мощью человеческой жизни, поэтому мы, пока живы, должны постоянно осознавать эту истину». «Не подлежит ни малейшему сомнению, что если было бы можно — если бы сам католицизм не сопротивлялся подобному стиранию границ — трактовать католицизм как творение исключительно человеческого духа, пришлось бы признать, что он заключает в себе сумму самых глубоких, самых обширных и самых богатых истин, что он необорим».

«Ни одна философия не выдерживает сравнения с ним как философией».

«Но католицизм выступает не как философия, не как наука, пусть даже о сверхъестественном, но как сверхъестественный, сверхчеловеческий факт».

И тут же:

«Попугайное племя! Повторяемые до оскомины фразы о сверхчеловеке; да ведь здесь, перед вами — то, что твердит вам: вы суть нечто большее, чем то, что полагаете человеком и даже сверхчеловеком.

Он не предлагает нам ограничиться теорией, но создает сверхчеловеческие факты, ибо верующие Ньюмен, Паскаль, Бернар, сотни тысяч других живут и жили в области оправданного для них невозможного».

Так что же? Бжозовский все-таки католик? Да *нет же!* Запись от 12 января он начинает фразой:

«Отчаяние дается легче, чем покой...». И после очередной упоенной оценки католицизма добавляет: «И все же, все же, я не в силах скрыть, что вне этого всего существует лишь отчаяние. Я не католик, я ничего не знаю, обладаю определенной суммой антипатий и симпатий, но знаю, что все они удерживают меня в мире человеческом. И больше ничего. Ничего, кроме уверенности, что этого, как бы то ни было, недостаточно».

Жажда абсолюта, жажда Бога, который у Бжозовского неотрывен от тоски по Церкви, постоянно ощущается на страницах «Дневника». Уже в самом начале он замечает:

«Не сдаваться, не сдаваться, что нет передо мной ни перспективы, ни смысла, ни пользы, что моя деятельность кажется не более чем чудачеством, манией. Не сдаваться и стараться выйти из этого состояния. — Молись, молись, ежедневно хоть на миг вознося разум в ту область, где твои вопросы попадают в поле видимости».

В письме Остапу Ортвину от 26 января он защищается от упрека, что «погорел»...

«Вот увидите, я не погорел (правильно пишет Милош, что антиклерикализм являлся обязанностью имеющего левые убеждения), но, к сожалению, мое „суеверие о Боге“ неизлечимо».

Судя по письмам Бжозовского, он не только не был католиком, но даже вера его в Бога была скорее жаждой веры, тоской по вере. («Самое главное знать, что ты испытываешь жажду», — пишет Симона Вайль). У Бжозовского это также реакция на мелкость польской безрелигиозности.

«Безрелигиозность польской мысли способна довести до отчаяния. Тут словно бы дает о себе знать инстинктивно ощущаемая нехватка какой бы то ни было связи с долговременными, повсюду созревающими вопросами жизни рода человеческого. Мы не хотим мерить себя большой мерой».

Лишь две страницы «Дневника», от 2 февраля и от 5 апреля, в месяц его смерти, где Бжозовский признается в любви к Ньюмену, свидетельствуют о том, что он познал благодать веры. На последних страницах он пишет:

«I know, I know Ньюмена — не произвольный художественный оборот — впрочем, у Ньюмена нет такого рода произвольности, его творчество есть совершенное, точное выражение мысли. I know — это великолепная формулировка факта трудноуловимого, но неоспоримого, представляющего собой глубинную основу нашего существа. На дне нашей души есть свет. Она не теряет связи с неугасимым солнцем, и знает об этом, а также знает, что знает истину... Не забыть, помнить об этом I know, I know».

Любая вера в спасение человека по природе своей универсальна. Католицизм неизбежен.

Неизбежным, в самой идее человека укорененным фактом является Церковь. Человек без Церкви есть неразрешимая загадка. Жизнь человеческая — это насмешка и игрушка, если нет Церкви».

Эти выборочные страницы высказываний Бжозовского о религии и Церкви я хотел бы дополнить собственными воспоминаниями.

Бжозовский посвятил «Идеи» Валентине, урожденной Кольберг, и Эдмунду Шалитам. В 1920 году, поздней осенью, я узнал, что супруги Шалиты живут в Кракове на улице Баштовой. В поисках любых следов Бжозовского я отправился к ним. Они приняли меня немного удивленно, может, поначалу недоверчиво. Насколько я помню, о Бжозовском я узнал от них немного. Был вечер, они не отпустили меня, пригласили выпить чаю. Мне запомнился скромный послевоенный быт. За длинным столом, кроме семьи Шалитов, сидела пожилая женщина с очень черными глазами и черными, с легкой проседью, волосами; она молчала на протяжении всего нашего разговора о Бжозовском, однако я видел, что она внимательно слушает. Внезапно женщина заговорила, в глазах у нее стояли слезы: «Были бы тогда деньги, Стась бы жил до сих пор» (я так понял, что она *присутствовала* при смерти Бжозовского и что она была его теткой). И тогда она рассказала о последних мгновениях его жизни, о которых я никогда ни до того, ни после ни от кого не слышал.

Бжозовский уже умирал. В Италии есть обычай допускать к умирающему детей, чтобы те молились рядом с ним. Бжозовский вдруг попросил привести священника. Это вызвало замешательство, ни одного священника Бжозовские не знали. Позвали патера из ближайшей церкви. Пришел старик итальянец, никогда не видевший Бжозовского и не знавший, кто он такой.

Детей вывели в соседнюю комнату, больной исповедовался и был помазан.

Когда старик священник вышел, он плакал и сказал детям, которые преклонили колени в соседней комнате, только одно: «Вернитесь в комнату умирающего, молитесь, там умирает святой».

Из этого визита к Шалитам мне запомнился только длинный стол; ужин, даже лица хозяев, которые так радушно меня приняли, изгладились в моей памяти, однако я вижу лицо в слезах, темные глаза этой старой женщины, ее голос, и слышу горечь в ее голосе, когда она говорила, что «Стась бы еще жил», и еще это лаконичное описание смерти Бжозовского, она ведь не могла это сочинить.

Может, кто-нибудь в Польше, может, дочь Станислава Бжозовского могла бы мне сказать, кем была эта женщина и действительно ли она, как я тогда понял, присутствовала при смерти Бжозовского.

Культура, № 1/183-2/184, 1963